

РУССКИЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

АЛЕКС ОРЛОВ

СУДЬЯ ШЕРМАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЭКСМО

Тени войны

Алекс Орлов

Судья Шерман

«Автор»

2001

Орлов А.

Судья Шерман / А. Орлов — «Автор», 2001 — (Тени войны)

С давних времен в большом космосе ведется тотальная война между гонкурами и саваттерами. Когда-то они были единым народом, но вспыхнувший конфликт при разделе области Синих звезд перешел в долгую затяжную борьбу на истощение противника. Случайно узнав о существовании отсталой и малочисленной цивилизации архидоксов, гонкуры принялись тайно ее колонизировать, и тогда на Туссено – планете, населенной людьми, – начали пропадать ее жители: сначала десятками, потом сотнями и тысячами. Чтобы проникнуть в тайну исчезновения людей и подтвердить подозрения относительно причастности к этому могущественной организации ЕСО, лейтенант полиции Рино Лефлером высаживается в составе десанта на планету Максикола, предположительно одну из баз похитителей людей.

© Орлов А., 2001

© Автор, 2001

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
6	16
7	17
8	20
9	23
10	25
11	27
12	29
13	31
14	34
15	37
16	40
17	41
18	43
19	45
20	47
21	50
22	52
23	54
24	56
25	63
26	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Алекс Орлов

Судья Шерман

1

Зима в этот год обещала быть ранней и суровой. Майбо с Лейлой урожай уже собрали и даже овец пригнали с гор, чтобы дикие собаки не напали на ягнят. В общем, приготовились. И теперь ждали, когда задуют ветры с далекого холодного побережья и пришлют холода и долгие вьюги. Такие долгие, какие бывают только здесь, в горах.

В один из таких предзимних вечеров жена Майбо, сидя за своим вязанием, вдруг сказала: «Гром гремит, слышишь, Майбо». На что он ответил, что это глупости.

Уж он-то знал, что в это время года никаких громов уже нет, а дожди ушли до следующей весны. Однако грохот повторился, и Майбо был вынужден признать – в горах непорядок.

А ближе к утру пришел он, тот самый незнакомец. Он постучал в дверь, а точнее, поскребся. Майбо сначала так и подумал – крысы. Должно быть, голод пригнал их к дому, и теперь они подгрызают дверь.

Майбо поднялся с кровати, а жена спросонья спросила: «Ты куда?» Он ответил ей, что сейчас вернется, и, сняв со стены небольшое ружье, пошел к двери.

Ружье против крыс было делом привычным, поскольку, нагулявшие за лето вес и силы, эти твари становились здоровыми, как собаки. Так что оружие было совсем не лишним.

Однако это были не крысы. Майбо чуть ружье от удивления не выронил, когда увидел человека, который, истекая кровью, лежал на пороге.

– Лейла! Иди сюда! – закричал Майбо. Он не боялся диких собак и снежных львов, но вот мертвых людей опасался. Одним словом, потребовалось позвать Лейлу. Она была женщиной рассудительной и не боялась ничего, кроме пауков и мышей. Что, впрочем, было простительно.

– Кто это, Майбо? – спросила жена. Она догадалась прихватить фонарик и теперь светила на незнакомца. Солнце к этому часу едва обозначило восточный край неба, и в доме было еще темно.

– Не знаю, может, кто из дальней деревни, – пожал плечами Майбо. Было холодно, с гор дул пронизывающий ветер, но ему было жарко, и он боялся.

– Перевали его на спину, – сказала Лейла. – Может, он еще живой.

– Честно говоря, Лейла, мне не по себе.

– Давай, Майбо, ты же мужчина.

В конце концов Майбо пришлось перевернуть незнакомца. При этом он сильно перепачкался в крови. Да что там Майбо, все ступеньки крыльца оказались залиты кровью.

– Он еще дышит, – сказала Лейла, заглянув в лицо, искаженное гримасой боли. – Его нужно занести в дом.

– Ты думаешь, он будет жить? – с сомнением спросил муж.

– Нет, наверное, он умрет, но, может быть, перед смертью ему захочется нам что-то сказать.

– С чего ты взяла, Лейла? Вот уж совсем не хотелось бы его слушать, – пробурчал Майбо.

Он знал, что спокойнее живется тем, кто не сует свой нос в чужие дела, а уж тем более не спасает каких-то умирающих бродяг. Тем не менее дольше пререкаться с женой он не стал, и вместе они потащили незнакомца в дом.

Раненый был слишком тяжел, и выбившиеся из сил Майбо и Лейла решили оставить его в прихожей. Каково же было их удивление, когда, включив свет, они как следует разглядели своего незваного гостя.

– Мамочки, Лейла! Это же один из этих!.. – вскричал Майбо. – Я немедленно звоню в полицию!

– Не нужно, дай ему спокойно умереть, а затем звони куда хочешь.

Лейла сняла с вешалки свое старое пальто, в котором выходила к овцам, и, свернув его наподобие подушки, положила раненому под голову. Он застонал. Затем медленно открыл глаза и посмотрел на женщину. Губы его слабо шевельнулись, но он не мог произнести ни слова. Видимо, обессилев, он снова впал в забытие.

Тем временем Майбо принес стакан воды.

– Дай ему, может, немного очухается, – предложил он.

Лейла смочила раненому губы, и тот снова открыл глаза. Лейла поднесла стакан еще раз, и несчастный сумел сделать маленький глоток. После этого ему действительно полегчало, и взгляд его мутноватых глаз стал более осмысленным.

– Я... друг... – неожиданно произнес он довольно отчетливо.

– Конечно-конечно, – с готовностью кивнул Майбо, а про себя подумал: «Как же, знаем мы таких друзей. Небось был бы здоров, давно бы нас укокошил, сволочь».

Незнакомец выглядел так, что Майбо сразу бы понял, кто он такой, даже если бы видел его одно мгновение. Широко расставленные глаза, короткие, редкие волосы, приплюснутый нос и кожа с апельсиновым оттенком.

При этом раненый был ростом не менее двух метров, да еще мышцы как у мула-тяжеловоза. Немудрено, что они с Лейлой чуть пупки не надорвали, пока втащили его в прихожую.

– Я друг... – снова повторил раненый и, указав глазами на нагрудную сумку, добавил: – Возьмите здесь и спрячьте...

Затем он снова ненадолго потерял сознание, а Лейла, повозившись с замком, сумела наконец его расстегнуть и вытащила неизвестный предмет размером с портсигар.

– Положи на место, – свистящим шепотом приказал Майбо. – Полиция разберется, что это за штукавина...

– А может, полиции не нужно знать, что это такое? – неожиданно для себя высказала Лейла крамольную мысль.

– Да ты что такое говоришь, дура?! – начал сердиться Майбо.

Ему показалось удивительно глупым, что они сидят перед умирающим чужаком в одном нижнем белье, а Лейла еще несет какую-то чушь. Видя, что в глазах жены загораются упрямые огоньки, Майбо сменил тактику.

– Ну послушай, Лил, – начал он вкрадчиво. – Ну кто он для нас? Стоит ли портить себе жизнь из-за этого мертвеца? Ты же знаешь, что полиция запрещает якшаться с ними, а ты хочешь спрятать эту хреновину... Ну зачем нам это?

– Не знаю, – призналась Лейла. – Но я ему верю. Человек не станет врать перед смертью.

– Он не человек, Лил.

– Кто бы ни был, но врать перед смертью никто не будет.

Налетевший ветер хлопнул ставней. Майбо вздрогнул. Видимо, потревоженный тем же резким звуком, раненый снова открыл глаза. Было видно, что он собрал последние силы, чтобы сказать что-то важное.

– Возьми и спрячь... Это важно для вас... За ним придут другие – отдадите им... Это важно для вас... Иначе вам всем грозит... опасность...

Все это несчастный проговорил довольно четко, но такое усилие стоило ему жизни. Раненый вытянулся как струна, и его глаза уставились в потолок. Поначалу они еще блестели и отражали светильник в прихожей, а затем стали тускнеть и погасли совсем, когда жизнь окончательно покинула это тело.

– Умер... – произнесла Лейла.

– Да, – кивнул Майбо, размышляя, можно ли уже идти звонить в полицейский участок, или Лейла потребует подождать еще немного.

– Ну вот, теперь можешь идти звонить, – сказала она, разрешая сомнения мужа.

– Ага, – поспешно согласился тот.

2

Полицейские приехали к десяти часам утра.

Их тяжелый вездеход остановился у ворот дома и, изрыгнув в небо фиолетовый дым, заглушил мотор.

Майбо выскочил навстречу грозным гостям и заискивающе заулыбался, едва первый из них выбрался из кабины.

Покачавшись на стальной гусенице, полицейский посмотрел по сторонам, затем спрыгнул на подмороженную землю и с удивлением уставился на Майбо, словно вовсе не ожидал увидеть здесь живое существо.

– Небось река уже встала? – спросил Майбо, все так же кланяясь и презирая себя за этот трусливо дрожащий голосок.

– С чего ты взял? – словно нехотя спросил полицейский.

Вслед за ним на землю спрыгнули еще пятеро. Трое из них оказались на другой стороне вездехода и недолго думая стали мочиться на стылую землю, паря, словно горный гейзер.

«Хоть бы попросились в туалет, свиньи», – подумал Майбо, а вслух произнес:

– Дак вон на гусеницах ледок битый – тонкий, прозрачный. Стало быть, речка встала.

– А ты кто такой? – спросил один из полицейских, с серебряными погонами профитцера и пышными седыми усами.

– Я хозяин дома – Майбо Розенфельд.

– Розенфельд? Это что за фамилия такая? Ты кто, лотаргеец?..

– Да ну что вы, ваша честь! – не на шутку перепугался Майбо. – Какой же я лотаргеец? Я такой же маливан, как и вы.

– Маливан, говоришь? – продолжал наседать профитцер. – А почему на тебя донесли, если ты маливан?

– На меня никто не доносил, ваша честь, это я сам позвонил...

– Сам позвонил?

– Да точно, сам, – сказал вышедший из-за машины высокий человек с погонами гроссфитцера. Он отливал дольше всех и поэтому присоединился к остальным с небольшим опозданием.

– Прошу вас к моему дому, – не своим голосом проблеял Майбо и склонился в низком поклоне перед самым старшим.

– Ладно, разогнись. Мы же народная полиция – окружные шерифы, пришли тебя защищать.

– Да, ваша честь. Спасибо, ваша честь, – бормотал Майбо, продолжая кланяться и неловко – задом распахивая перед полицейскими ворота.

Войдя во двор, бригада полицейских сразу же разбежалась по всем его закуткам, держа наготове армейские пистолеты и имея в запасе тяжелые дробовики. Выезжая на такие операции, полицейские вооружались особенно хорошо.

– Прошу прощения, ваша честь, он в доме – в прихожей лежит, – с глупой улыбкой сообщил Майбо. Ему не нравилось, что полицейские хозяйничали в постройках и переворачивали там все вверх дном.

– Один живешь или с хозяйкой? – словно не слыша реплики Майбо, спросил гроссфитцер.

– С хозяйкой, ваша честь.

– С хозяйкой, – повторил полицейский. – А как хозяйка – хороша собой?.. – Только тут надменный гроссфитцер соизволил посмотреть на перепуганного хозяина дома.

– Дак не жалуюсь, ваша честь.

– Ну, надеюсь, и мне жаловаться не придется, – произнес полицейский и довольно заулыбался, видя, как бледнеет Майбо, и без того уже достаточно перепуганный.

– Да ты не бойся, хозяин. Это я шучу. Мы честных людей не обижаем. – Гроссфитцер приблизил лицо к Майбо и свистящим шепотом добавил: – А вот предателей просто реж-жем на куски... Понял?

– Понял, ваша честь, – пролепетал Майбо, уже не уверенный в том, что доживет до вечера.

В кошаре заволновались овцы, потом послышалось два выстрела, и вслед за этим появился улыбающийся профитцер с седыми усами. Он держал за задние ноги двух серых ягнят, из голов которых сочились выбитые мозги.

– Вот, небольшой налог на прибыль!.. – довольно прокричал седоусый, подошел к забору и перекинул свои трофеи поближе к вездеходу.

Майбо едва не задохнулся от досады. Это был приплод тонкорунной Поющей Земфиры, прозванной так за мелодичное бляение. В прошлом году Майбо купил ее на выставке в селении Манхэттен. Манхэттенские овцы хотя и были чрезвычайно глупыми и беспокойными, однако славились своим тонким руном. Майбо надеялся за пару лет сбить небольшое стадо и продавать шерсть в четыре, а то и в пять раз дороже. Но вот тупой коп только что пристрелил его мечту.

Вскоре со всех углов, сарайчиков и пристроек во двор стали выходить полицейские. И каждый из них тащил, что ему приглянулось: кто десяток куриных яиц, кто полведра яблок, кто связку сухих колбас или головку овечьего сыра.

Майбо был нежадным человеком – он и так задумал угостить полицейских, как же без этого. Мало того, он хотел поговорить с гроссфитцером и рассказать про свою дуру-жену, чтобы полицейские отобрали у нее ту штуку, что ей завещал мертвец. Майбо был уверен, что народные шерифы пойдут ему навстречу и не будут преследовать глупую бабу. Но теперь он передумал. Эти люди вели себя в его усадьбе как захватчики, и Майбо решил им помешать. Нет, он не собирался бежать за своим ружьем, однако теперь он стал союзником Лейлы.

«Буду врать этим подонкам, – решил он, – так врать, как не врал даже в гимназии».

Роняя на мощный двор огрызки, скорлупу от яиц и колбасные объедки, команда полицейских сгрудилась вокруг гроссфитцера, ожидая дальнейших приказаний.

– Итак, вы ничего не нашли, – констатировал старший.

Его подчиненные закивали в ответ, давясь бесплатным угощением.

– А ты что на это скажешь, гражданин Розенфельд? – спросил гроссфитцер у Майбо.

– Я уже говорил – он в доме, в прихожей...

– Я не глухой, брат-маливан, – неприятно улыбувшись, сказал гроссфитцер. – Я слышал. Но меня интересует, где спрятан маршрутизатор...

– А это что такое? – искренне удивился Майбо, хотя перед его глазами тотчас нарисовалась та самая штуковина, которую перед смертью ночной гость передал Лейле.

– Ты не знаешь, что это такое?

– Нет.

– И твой друг саваттер не просил взять и спрятать подальше небольшую металлическую коробочку, чтобы ее потом забрал другой саваттер?

– Нет, ваша честь, – удивленно покрутил головой Майбо. Чувство обиды помогало ему врать очень натурально, и полицейские только надменно усмехались, глядя на глупого крестьянина.

– Ну ладно, веди в дом, – приказал гроссфитцер.

– Пожалуйста.

3

Едва переступив порог жилища Майбо Розенфельда, гроссфитцер Джакоб увидел труп саваттера. Это был обычный экземпляр, крепко сложенный, одетый в декомпрессионный костюм и некое подобие бронежилета. Защита мало помогла ему, и несколько больших ран на его теле говорили о том, что корабль был сбит прямым попаданием.

Кровь не сочилась из ран, лицо осунулось, и все свидетельствовало о том, что саваттеру уже никогда не подняться. Тем не менее следуя инструкции, Джакоб поднял пистолет и трижды выстрелил в грудь мертвеца.

Две пули пробили тело насквозь, а одна – последняя – срикошетила от броневой пластины жилета и, скользнув по стене, ударила в потолок.

Белые лепестки штукатурки осыпались вниз, – и гроссфитцер Джакоб проследил их полет.

Наконец он шагнул в прихожую, и следом за ним в дом вошли остальные члены бригады.

– Доброго вам здоровья, господа солдаты!.. – громко, слегка нараспев произнесла Лейла, когда вся команда сгрудилась в небольшой гостиной. – Прошу вас к столу.

Полицейские стали переглядываться, ожидая команды Джакоба, поскольку он был здесь главным.

– Спасибо, хозяйка, – наконец произнес гроссфитцер. – Сначала мы доделаем свою работу, а потом угостимся с удовольствием.

Это прозвучало как приказ, и полицейские тотчас разошлись по всем комнатам, поводя перед собой приборами, которые были настроены на частоты маршрутизатора.

– Лейла, накрой господам стол!.. – громко сказал Майбо, войдя последним, но, увидев, что все уже приготовлено, улыбнулся и, обращаясь к гроссфитцеру, сказал: – Во какая у меня баба шустрая!..

– Мы еще посмотрим, какая она шустрая, – двусмысленно произнес Джакоб и посмотрел на Лейлу, однако та ответила ему игривым взглядом. Гроссфитцер сразу отвернулся – он был настроен пугать.

Между тем народные шерифы продолжали тотальный обыск, однако в доме, в отличие от хозпостроек, они вели себя более прилично, поскольку здесь находилась женщина, да и стол с угощением им был гарантирован.

Вскоре все они ни с чем стали возвращаться в гостиную.

– Ничего, шеф, – сказал молодой сотрудник, имевший в петлицах только одну тонкую полоску – стажер. Затем он покосился на Лейлу, и та откровенно ему подмигнула. Ее посыл был настолько сильным, что стажер залился румянцем и тут же отвернулся.

– Что, Лойдус, накрыло тяжелой артиллерией? – заметив состояние стажера, спросил Джакоб.

– Я не понимаю, о чем вы, – стал оправдываться тот.

– Да ладно, – миролюбиво отмахнулся гроссфитцер. – Иди проверь чердак. Надеюсь, там нет зимних ос? – Тут гроссфитцер повернулся к Майбо. – На чердаке нет зимних ос, гражданин Розенфельд?

– Нет, ваша честь. Нету никаких ос и никогда не было.

– Вот и отлично. Лойдус, дуй на чердак.

Когда стажер ушел, Джакоб шагнул к накрытому столу и почти незаметным движением облапал ягоды Лейлы, затем сел возле высокой бутылки с домашней наливкой.

Он уже понял, что поиски ни к чему не приведут. Маршрутизатор либо потерян пилотом в горах, либо надежно спрятан где-то на территории усадьбы.

– Ничего нет, шеф, – развел руками появившийся Бурх, проводивший обыск хозяйской спальни.

– Садись, – коротко приказал начальник.

Бурх с удовольствием подсел к столу. Вид вкусной еды сразу превратил его в благодарного гостя, и он посмотрел на Лейлу как на добропорядочную хозяйку. Следом за ним подошел Крейг – владелец пушистых усов. Он молча развел руками, показывая грассфитцеру, что тоже ничего не нашел.

– Ладно, зови остальных, – буркнул Джакоб и бросил на Лейлу испытующий взгляд.

Он надеялся увидеть в глазах хозяйки облегчение от того, что обыск закончен, однако Лейла все так же игриво смотрела на старшего полицейского, как будто и впрямь была не против провести с ним время.

«Врешь ты все, хитрая сучка. Все ты врешь», – подумал Джакоб, а вслух произнес:

– Ну угощай нас, добрая женщина. Покажи нам свое мастерство...

– Да, покажи все, что можешь, – со сладенькой улыбкой добавил Гроув, большой любитель женского пола.

– Конечно, господа, конечно, – засуетился Майбо. – Она так готовит, что пальчики оближете.

4

Наевшись до отвала, полицейские вышли на улицу и на ремнях выволокли за собой мертвое тело.

Затем Джакоб приказал уложить труп в вездеход, а сам пошел вокруг усадьбы, прихватив с собой Майбо.

– А здесь, значит, у тебя огород? – спросил гроссфитцер, указывая на перекопанные к зиме грядки.

– Да, ваша честь, огородик здесь, – с готовностью подтвердил Розенфельд.

– Огородик, – произнес Джакоб. – А дальше, значит, садик?

– Совершенно верно, ваша честь. Садик хороший, в этом году яблок много было...

Джакоб кивнул. Солнце уже начало растапливать легший за ночь иней, однако и так было ясно, что подозрительные следы вокруг дома отсутствовали.

Гроссфитцер был разочарован. Он надеялся найти здесь тайник.

– Так о чем вы говорили с саваттером? – как бы невзначай бросил Джакоб, начиная последнюю атаку на Майбо.

– Ни о чем не говорили, ваша честь. Он уже никакой был, когда мы его в дом втащили.

– А зачем тащить в дом? Ты что, не знаешь, что при обнаружении этих уродов нужно срочно звонить в полицию, а не пытаться оказать им помощь!.. Ты знаешь, что помогал врагу?!

– Да что вы, ваша честь!.. Да разве же я ему помогал? Ведь я думал, что это добрый маливан с дороги сбился и в беду попал – на улице-то темно было, хоть глаз выколи. Вот и втащили мы его в тепло, а как при свете-то увидели, что это за подарочек, так тут же в полицию! Неужто я не знаю, ваша честь, что надо быть лояльным.

Заурчал двигатель вездехода. Подчиненные напоминали гроссфитцеру, что пора отъезжать.

– Ну ладно, гражданин Розенфельд, будем считать, что ты отбрехался. Будем пока что считать, что ты человек честный и похитителям людей не помощник...

– Да не помощник я!.. – вскричал Майбо.

Но гроссфитцер остановил его жестом:

– Это мы выясним, гражданин. Обязательно выясним...

И, не говоря больше ни слова, Джакоб развернулся и пошел обратно во двор, а Майбо засеменял следом, глядя, как сапоги полицейского топчут прибитую ночным заморозком траву.

Джакоб прошел мимо Лейлы, даже не взглянув на нее, и, только вскочив на гусеницу вездехода, крикнул:

– Не думай, что ты очень хитра, хозяйка!.. Не думай!..

После этого гроссфитцер захлопнул дверь, и вездеход, скрипя гусеницами, покатился по промерзшей дороге.

Лейла с мужем еще какое-то время смотрели вслед удалявшейся машине, а затем Майбо спросил:

– Куда ты это спрятала?

– Зачем тебе? – не глядя на мужа, поинтересовалась Лейла.

– Затем, что я тоже рисковал и даже не могу понять – почему. Наверное, потому, что меня возмутило их свинское поведение. Говори, Лейла, ведь я же тебя не предал.

– Не предал? – Женщина повернулась и в упор посмотрела на Майбо. – Ты не мог предать меня, я же твоя жена...

– Ну... – Майбо пожал плечами, затем вздохнул и признался: – Я был близок к этому, Лил. Честное слово...

Лейла ничего не сказала в ответ на признание мужа. Она подошла к воротам и, приподняв клочок свалявшейся травы, достала ту самую коробочку, за которой охотились полицейские.

Она держала ее на своей ладони, и Майбо, приблизившись, робко протянул руку и дотронулся до металлической поверхности. Этот предмет, пару часов назад казавшийся Майбо пустой вещицей, теперь обрел свою значимость и силу.

– И что, ты думаешь, за этой штукой придут?

– Думаю, да, – твердо сказала Лейла.

– Но ведь и эти могут вернуться.

– Могут. Но теперь я спрячу его так далеко, что им ни за что не найти.

5

Стрекоча гусеницами и ныряя в глубокие лужи, наполненные ледяным крошевом, вездеход весело бежал по наезженной дороге, подгоняемый нетерпением профитцера Крейга. Его дежурство заканчивалось через час, и ему не хотелось задерживаться на службе ни одной лишней минуты.

«Вот и работай с такими людьми, – думал Джакоб, глядя на профиль постаревшего Крейга. – Этот, без пяти минут пенсионер, рвется домой так, будто его ждет там молодая жена, а не сварливая старуха, с которой они прожили тридцать лет».

Бурх и Джо-Пайн спокойно спали, удобно положив ноги на накрытый грязным мешком труп саваттера. Эти двое жили по привычке и, наверное, даже не понимали, кто они и чем занимаются.

Гроув бодрствовал. Он смотрел на покачивавшийся за окном пейзаж и думал о женщине, которая ему так понравилась. Гроссфитцер частенько разрешал Гроуву развлечься на подобных заданиях, но сегодня почему-то сделал исключение. А баба, как назло, попалась самая лучшая.

Гроув покосился на начальника и, встретившись с его тяжелым взглядом, снова уставился в окно.

Слева, из-за поросшей кустарником горы, выскочил вертолет, принадлежащий ЕСО – серьезной службе, у которой вся полиция была на побегушках. Машина была увешана сетчатыми антеннами. Тяжело развернувшись, она снова пошла в сторону перевала, туда, где ночью рухнул летательный аппарат.

Спустившись к реке, вездеход сбросил скорость и, встав на скользкие, отшлифованные водой камни, пошел осторожно, чтобы набегавшие струи горной реки не перекатывались через крышу.

На одном из больших валунов вездеход подпрыгнул, и Крейг выругался, а затем неожиданно сказал:

– Я так понимаю, шеф, что эта чернявая баба что-то знала.

– С чего это ты взял? – спросил Джакоб. Эта мысль и так не давала ему покоя, но гроссфитцер считал, что только он заметил тонкую игру женщины.

– Да слишком уж она хотела, чтобы мы поверили, что она шлюха... Но на шлюху она непохожа.

– Все бабы шлюхи!.. – подал голос Гроув.

«Ну вот, затронули его больное место», – подумал Джакоб.

– Надо было трахнуть ее всем по разику, и все дела!.. Тогда бы живо все рассказала!

– Уймись, Гроув, – обронил гроссфитцер. – Тебя на службе интересует только траханье.

– А хоть бы и так, шеф. Ведь полицейскому не каждая сможет отказать.

– Что ты думаешь, Лойдус? Знала хозяйка, куда подевался маршрутизатор? – обратился Джакоб к стажеру, чтобы только заткнуть Гроува.

– Я?! – Лойдус даже испугался. Он никак не ожидал, что кто-то поинтересуется его мнением, и даже не успел его составить. – Я же был на чердаке, сэр.

– Но женщину-то ты видел?

– Видел, – согласился Лойдус, невольно вспомнив, как обжег его взгляд хозяйки дома.

Воспоминания заставили Лойдуса снова покраснеть.

– Ну так что тебе показалось – спрятала она марш-рутизатор или нет?

– Я не могу сказать, сэр.

Женщина очень ему понравилась, и он не хотел, чтобы его подозрения ей навредили.

– Все ясно! И этот спекся! – авторитетно заявил Гроув. – Я же говорю, надо было ее тра...

– Заткнись!.. – зло прикрикнул Джакоб.

Между тем река закончилась, и вездеход стал карабкаться по крутому склону – туда, где начиналась дорога, ведущая в цивилизованную часть долины.

Там был город, шоссе, магазины и дома – словом, все, что позволяло Джакобу считать себя человеком, кое-чего добившимся в жизни. Гроссфитцер не любил деревню.

Он, без сомнения, мог бы задержаться в доме Розенфельда и выбить из этих подонков-хозяев всю правду, но очередной приступ неведомой тоски заставил Джакоба отступить.

«Сообщи о них в ЕСО, и все будет в порядке», – подумал он.

6

Прогрохотав гусеницами по брусчатке и развернувшись во дворе управления окружного шерифа, вездеход сдал задом к воротам покойницкой.

Оттуда вышли двое санитаров в желтых как лимон фартуках. Они привычно перекинули труп на каталку и увезли в свои темные владения. Затем закрыли стальные створки и лязгнули изнутри тяжелым замком.

– Списали жмурика, – прокомментировал Бурх и полез из салона. Следом за ним выбрался Джо-Пайн. Он зевнул еще раз, потом потянул носом и сказал:

– Пошли отсюда, а то эти червяки ушли, а вонь от них еще осталась.

Хлопнув дверью, из кабины выбрался Крейг. Он посмотрел на часы и направился в бытовую комнату, чтобы переодеться и отправиться домой. За собой профитцер тянул мешок с двумя застреленными ягнятами. Уже сегодня вечером он собирался отведать их нежного мяса.

Следом за Крейгом, широкими шагами, прошел Джакоб. Ему хотелось поскорее написать отчет и предоставить его своему начальству и куратору из ЕСО.

– Ну вот, – сказал Бурх. – Нам осталось отмолодить полсмены. – И, повернувшись к Лойдусу, спросил: – Стажер, в шашки играешь?

– Совсем чуть-чуть, – признался тот.

– А в домино?

– Так же.

– Ладно, пошли, составишь мне пару, и мы разделаем Джо-Пайна и этого озабоченного. – И Бурх кивнул на Гроува.

– Я не озабоченный!.. – болезненно отреагировал Гроув. – Просто я мужик, а ты – импотент.

– Согласен, – сразу сдался Бурх, но произнес он это так, что Гроув весь затрясся от еле сдерживаемого гнева.

Поздоровавшись по дороге с несколькими полицейскими из других команд, неполная бригада гротсфитцера Джакоба пришла в свое дежурное помещение.

На стол быстро легли костяшки домино и остатки угощения, прихваченные в доме Розенфельда, однако не успели все четверо приступить к игре, как в дежурку вошел штандартенфитцер Джим Хофман.

Полицейские моментально вскочили, больше от удивления, чем от испуга. Штандартенфитцер еще ни разу не снисходил до того, чтобы зайти в дежурку лично.

– Стажер Ганс Лойдус!

– Я, сэр!.. – прокричал стажер, еще не забывший порядков полицейской школы.

– Следуйте за мной.

– Есть, сэр!

Лойдус подхватил головной убор и, оглянувшись возле дверей на своих старших товарищей, только пожал плечами.

Когда за ним закрылась дверь, Джо-Пайн недовольно проворчал:

– Ну вот, пару разбили.

7

Следуя за молчаливым штандартенфитцером Хофманом, Лойдус шагал по путаным переходам управления.

Когда они оказались в подвальном этаже, Хофман остановился перед стальной дверью и сказал:

– Вы изучали курс расследований, стажер?

– Так точно, сэр!..

– Отлично. У нас не хватает следователей, так что с оперативной и патрульной работой вы расстаетесь навсегда. Все ясно?

– Так точно, сэр.

– Тогда вперед.

С этими словами штандартенфитцер толкнул массивную дверь, и Ганс Лойдус, пройдя следом за начальником, оказался во владениях команды судебных патологоанатомов.

– Доггерти! – крикнул Хофман, и на его голос из двери одного из унылых казематов выскочил руководитель подземного подразделения.

– Здравствуйте, сэр, – произнес Доггерти, невысокого роста, щуплый человек в форменной куртке народного шерифа, правда, без одной пуговицы.

Как видно, для потрошителей мертвецов полное соответствие параграфу полицейского устава было обязательным.

Лицо Доггерти было бледным, из чего Лойдус сделал вывод, что этот человек сидит в подземелье все дни напролет.

– Это наш новый младший следователь – Ганс Лойдус, – представил стажера Хофман. – Он будет работать по последнему делу. Покажи ему все, одним словом, преподай курс молодого бойца. Нужно, чтобы парень не падал в обморок, если придется присутствовать при вскрытии.

– Хорошо, сэр. Мы закалим его надлежащим образом.

Сказав это, Доггерти так посмотрел на Лойдуса, что тому показалось, будто и его сейчас потащат в покойницкую и с биркой на ноге бросят на железный разделочный стол.

По спине Ганса пробежал холодок первобытного страха.

– Ну и отлично. Набирайтесь опыта, Лойдус. Когда Доггерти вас отпустит, поднимайтесь на второй этаж и поступайте в распоряжение старшего следователя Кулхарда. Вопросы есть?

– Нет, сэр! – привычно ответил Лойдус, хотя вопросов у него было хоть отбавляй.

Хофман ушел, и Ганс Лойдус остался один на один с обитателем страшного подземелья – мистером Доггерти.

– Ну что, пойдём? – просто сказал тот.

– Да, – кивнул Лойдус, хотя внутри его все кричало «нет».

– Я предлагаю начать с твоего парня. Ведь, насколько я понимаю, это и будет твоим первым делом.

– Я не знаю, сэр, – признался Лойдус.

– Зато я знаю, – сказал Доггерти. – Подожди здесь, я только захвачу «спецуру».

И он исчез за дверью каземата, откуда появился сначала.

Спустя пару минут он снова вышел в коридор, и на нем был тот самый клеенчатый костюм лимонного цвета, в каких выходили на поверхность все сотрудники подземелья, забирая принадлежащую им добычу – трупы.

– Да-да, – словно перехватив мысли Лойдуса, произнес Доггерти. – Тот самый «желтый червяк» – так, кажется, называют нас ваши бандюги из патрульных отрядов?

– Да, сэр, – подтвердил Лойдус чисто автоматически.

– Не называй меня «сэр», парень. Я вольнонаемный. Если не вмоготу и хочется вытянуться, называй меня мистером Доггерти, а еще лучше Сэмом.

– Хорошо, мистер Сэм. То есть просто Сэм.

– Ну и пошли, – кивнул Доггерти и двинулся по сумрачным, плохо освещенным коридорам, словно кто-то специально заботился о том, чтобы эти помещения выглядели как можно более зловещими.

Защитный костюм на Сэме отвратительно морщился и шуршал, а Лойдус старательно выравнивал дыхание и опустошал голову от посторонних мыслей. Он боялся, что не оправдает высокого доверия начальства и его непременно стошнит.

Вскоре бесконечные и путаные переходы под тусклыми лампочками подземелья закончились.

Доггерти вошел в квадратный бокс, отделанный белоснежной плиткой и залитый ярким синеватым светом от направленных ламп.

На специальной стальной платформе, как и ожидал Лойдус, лежал мертвец, а двое сотрудников Доггерти сидели в углу на сверкавших хромом стульях. Они ели бутерброды, лежавшие в никелированной ванночке.

– Хочешь бутерброд, Сэм? – спросил один из них.

– А это твои?

– Да.

– Тогда давай. Твоей хозяйке я доверяю, – сказал Сэм Доггерти и выловил из ванночки приглянувшийся ему бутерброд. Откусив большой кусок, Сэм тщательно его разжевал и, кивнув на позеленевшего Лойдуса, сказал: – Новенький – Ганс Лойдус. Его сам Хофман представил. Говорит, младший следователь. Будет вести дело этого бычка.

Под «бычком» Доггерти подразумевал тело саваттера, которое лежало на столе и ждало своей очереди.

– А я Колин, – представился сотрудник, угощавший бутербродами. – Это мой напарник Олле Деск– штурм. Правда, дурацкая фамилия?

– Д-да, – промямлил Ганс, борясь с тошнотой.

– Ну, раз все перезнакомились, давайте приступать, – распорядился Доггерти, беря со вспомогательного столика чудовищного вида пилу. – Видишь ли, следователь, эти саваттеры всегда одеты в тонкое боди из стекловолокна, поэтому рассекать его приходится химическим лазером, а уже потом пользоваться всем набором хирургических ковырялок.

– А... зачем их вообще вскрывать? – собравшись с силами, задал вопрос Ганс.

– Этот вопрос не ко мне, но, насколько я понимаю, чтобы убедиться, что это настоящие саваттеры, а не добрые маливане. После вскрытия мы составим документ с описанием потрохов этого «бычка», а ты ознакомишься и подпишешь. На этом экспертиза будет закончена, и ты поднимаешься к себе на второй этаж, чтобы думать всякие умные мысли...

Лойдусу указали место, откуда он мог все видеть и одновременно никому не мешать. Вскоре загудели электрические трансформаторы, засвистели пилы, и под сводами бокса разнеслись отвратительные звуки. Это длилось пару минут.

– Ну вот, грудная клетка вскрыта, – будничным тоном произнес Доггерти. – Подходи, смотри и оценивай.

– А что я должен оценивать? – пролепетал Ганс.

– Ты должен определить по толщине ребер и виду внутренних органов, что это действительно саваттер.

– Я уже вижу, – соврал Ганс, выбрав в качестве объекта созерцания треснувшую на стене плитку.

Снова засвистела дисковая пила, затем послышался треск и громкие ругательства Олле Дескштурма. До сих пор он молчал, но, когда его пила сломалась, подал голос:

– Вот сукин сын, напшиговал свои кишки пулями!..

– Скажи спасибо ребятам Джакоба, – заметил Доггерти и, повернувшись к Лойдусу, сказал: – Ну вот, смотри, следовательно, вот это называется ранения, несовместимые с жизнью, и получил он их, когда его сбили ракетой... Любой из нас загнулся бы моментально, а он был еще жив и, судя по огнестрельным ранениям, оказал полицейским сопротивление...

– Да, – кивнул Ганс, хотя точно знал, что саваттер не оказывал сопротивления и гротсфитцер Джакоб стрелял в него на всякий случай. Вспомнился хозяин дома и его жена. А особенно ее глаза – такие пылкие и зовущие. О! Какая это была женщина. Кажется, ее звали Лейла.

– А вот посмотри, какое у него сердце!.. Не сердце, а компрессор! – воскликнул Доггерти, подцепляя блестящим крючком предмет своего восторга.

Ганс опустил глаза. Из всего, что касалось новой работы следователя, его интересовала только Лейла. А вскрытый труп, что же – к этому нужно привыкать. Промелькнула мысль, что жалованье следователя выше, чем патрульного. Однако заострить внимание на этом приятном обстоятельстве не давал образ Лейлы.

– Нет, ты только посмотри!.. – продолжал восторгаться орудуя крючком Доггерти. – Все органы отделены друг от друга реберными перегородками. Ты представляешь, Лойдус, какой это живучий парень?

– Чтобы воровать людей, нужно быть крепким, – заметил Колин, затем взмахнул хирургическим тесаком и с хрустом рассек мешавшую косточку.

Капля крови упала на лицо Лойдуса.

– Оп!.. С боевым крещением, парень!.. – воскликнул Доггерти и отер лицо Ганса салфеткой.

– Это еще что!.. – сказал Олле Дескштурм, возясь где-то в области брюшины. – Вот однажды шинковали мы жмура, причем достаточно несвежего. Брюхо – как барабан, кишки – газовые бомбы!.. А мой напарник случайно по ним скальпелем – вжик! Так дерьмо по нам буквально шквалом ударило! Ну разве не весело?!

«Неужели можно вот так каждый день?» – невольно подумал Лойдус.

– Ну все, принимай работу, – сказал Доггерти, когда распотрошенный саваттер был вывернут наизнанку и закреплен множеством специальных скобок. – Подтверждаешь, что это похититель людей?

– Да, подтверждаю, – сразу согласился Лойдус, стараясь не дышать носом.

– Хорошо. Тогда подпиши документ.

Доггерти снял перчатки и достал из небольшого сейфа стандартный бланк.

Между тем Колин сверкнул фотовспышкой и приложил к акту осмотра фотографию.

Ганс поставил свою подпись в указанном месте и скованно улыбнулся. Он желал поскорее выйти на свежий воздух.

8

Старший следователь Кулхард встретил новичка довольно приветливо.

– А, вот тот самый парень, на кого мы будем сваливать все неподъемные дела, – сказал он и, подмигнув Лойдусу, поднялся из-за стола.

– Не бойся, это я шучу, – добавил он. – На самом деле поначалу будешь мне помогать, чтобы войти в курс дела.

– Да, сэр. Спасибо, сэр, – искренне поблагодарил Ганс.

– На вскрытии был?

Вместо ответа Лойдус протянул Кулхарду отчет и фото.

– Ага, – старший следователь взял документы, просмотрел их и сказал: – Нужно будет прочитать отчет гроссфитцера Джакоба и поговорить с ребятами из его бригады.

– В этом нет необходимости, сэр. Я сам был на месте.

– Ах вот как? Ну, это упрощает дело. Тогда садись и рассказывай мне, а я буду задавать тебе тренировочные вопросы. Будешь отвечать и запоминать, что нужно спрашивать. Идет?

– Как скажете, сэр.

Ганс опустил на указанный стул и огляделся. Комнатка была небольшая, однако здесь размещалось четыре стола. Два из них, включая место Кулхарда, выглядели обитаемыми, а оставшиеся два покоились под толстым слоем пыли.

Между тем старший следователь все не начинал беседы и только беспокойно рылся в ящиках, хлопая дверками тумбочек и чего-то бормоча себе под нос.

– Ничего не понимаю, – наконец сказал он и поднял на Лойдуса рассеянный взгляд. Но вдруг что-то сообразил и крикнул: – Хо-орст!!! Хо-орст!!!

Поначалу ответа не было, но затем где-то неподалеку за стеной сработал сливной бачок, и вскоре Хорст собственной персоной предстал перед Кулхардом.

– Кого кричим, начальник?

– Тебя кричим, – ответил Кулхард. – Где моя кружка?

– Питер взял.

– А почему обратно не положил?

– А он теперь не может. Ее в вещдоки записали.

– Как записали? Кто?!

– Да по ошибке, – сказал Хорст, словно это все объясняло. – Он говорит, что кружка на столе стояла, рядом с вещдоками, а Пулитцер из тридцать второй комнаты спешил очень и описал все. Потом с описью пробежал по кабинетам и все быстро завизировал.

– Сволочи, – коротко бросил Кулхард и яростно потер начинавшую проявляться лысину.

– У меня в бытовке есть собственная кружка, сэр, – предложил Лойдус. – Хотите, принесу?

– Спасибо, парень, не нужно, – отказался Кулхард. Сейчас ему не нужна была кружка. Он упивался собственной обидой.

– Ну ладно, – сказал он наконец. – Приступим к допросу...

– К какому допросу? – спросил Хорст Эви, усаживаясь на свое рабочее место.

– Парень – наш новичок, и я его натаскивать буду, – нехотя пояснил Кулхард. С гораздо большей охотой он послал бы Хорста подальше. – Итак, расскажи в двух словах, что там было.

– В шесть восемнадцать был звонок дежурному о том, что на одном из хуторов объявился саваттер. Это была наша смена, и мы всей бригадой выехали на место...

– Маршрутизатор нашли?

– Нет, сэр. Все облазили: постройки, дом, чердак, но ничего не нашли.

– А с хозяевами работали?

– Насколько я понимаю, нет. Хотя это был мой первый выезд, сэр, и, как все происходит обычным порядком, я еще не знаю.

– Да так все и происходит, – подал голос Хорст Эви, хотя его никто не спрашивал, – берут хозяина и бьют его, мерзавца, пока не расскажет, куда маршрутизатор закопал.

– Там везде был иней... На земле, я имею в виду, – пояснил Лойдус. – Если бы кто-то из них сделал хоть один шаг по саду или еще куда, мы бы заметили.

– Понятно, – кивнул Кулхард. – Сколько человек живет на хуторе?

– Двое, сэр. Хозяин и его жена.

– Как выглядит жена? Молодая и красивая или старая образина?

– Она симпатичная, сэр, – признался Лойдус, и голос его при этом заметно потеплел.

– Да, я вижу, ты на нее запал, парень!.. – обрадованно воскликнул Хорст Эви.

– Слушай, Хорст, смотайся за кофе к автомату.

– Да мне еще на опознанку идти, – сразу заартачился тот.

– Ну так иди на свою опознанку, но чтобы я тебя здесь гарантированно не видел хотя бы полчаса.

Эви поднялся из-за стола, собрал в папку необходимые документы и ушел.

– Ишь, гаденыш, не хочет идти за кофе, – прокомментировал Кулхард демарш своего сослуживца. – А кружку мою профукал... гаденыш, – добавил он и сразу, без перехода спросил: – По следу шли?

– Нет, сэр. Это же дело ЕСО. Когда мы уже отъезжали, показался их вертолет и ушел в сторону перевала.

– Понятно... – Кулхард покрутил в руках обгрызенный карандаш, а затем сказал: – Если будешь вести допрос, тебе придется бить женщину, которая тебе так понравилась. – Старший следователь посмотрел Лойдусу прямо в глаза. Тот поспешно их опустил. – Сможешь?

Лойдус неопределенно пожал плечами.

– Эта баба, парень, специально строила тебе глазки, чтобы сбить со следа. Если она хороша собой, то наверняка знает, как пользоваться этим оружием. Держу пари, что она вам всем мигала, как семафор, и у вас текли слюнки.

Кулхард сделал паузу и отер со лба выступившие бисеринки пота. Лицо старшего следователя покраснело, и было видно, что он переживает каждое сказанное им слово.

– Ей наплевать на тебя, поверь мне, парень. Такие сучки ломают наши жизни каждый день. Махнет подолом, и ты уже ее раб, а в душе она над тобой еще и посмеется. Уж ты мне поверь... Ну что, сможешь ударить ее на допросе?

– Да, смогу, – сказал Лойдус и даже представил, как он это делает.

– Ну тогда толк будет, – констатировал Кулхард и рассмеялся. – В нашем деле умение бить по морде честного с виду человека является очень важным качеством. Стороннему наблюдателю это может показаться жестокостью, но это просто метод – основной метод дознания. Ты даже не представляешь, Лойдус, какие далекие события может вспомнить человек, получив пару умеренных затрещин. Иногда меня даже потрясает, с каким количеством подробностей всплывают эти воспоминания.

С улицы донесся рокот вертолета, и на круглую площадку, отмеченную желтым перекрестием, начал садиться «слухач» – вертолет, оборудованный поисковой аппаратурой. На его борту были крупные буквы «ЕСО».

– Ну вот, прибыл «старший брат», – произнес Кулхард, глядя, как по поземке из снежной крупы, поднятой винтом, пробегают сотрудники Единой службы обороны.

«И откуда только берутся такие богатыри?» – подумал Лойдус, втайне завидуя стати агентов ЕСО.

– Где их, интересно, выращивают, этих молодцов? – неожиданно повторил вопрос Лойдуса старший следователь. – А впрочем, это не мое дело, – торопливо добавил он. Рассуждения

на эту тему были не вполне безопасны. – Давай-ка вернемся к нашим баранам. И так, кроме того, что ты должен бить арестованного по лицу, заметь, – тут Кулхард поднял кверху указательный палец, – что только по лицу, ломать ребра и вообще увечить – это не наша работа, для этого есть другие специалисты, – так вот, нужно еще уметь давить на арестованного. Чем давить? Изменой.

– То есть?

– Ну, например, эта подлая баба, которая задурила вам мозги, думает, что она добрая женщина и спасает раненого человека. Помогать слабому – это ведь добродетель. – Тут Кулхард снисходительно улыбнулся, однако, вспомнив о пропаже любимой чашки, снова вернулся к делу: – Так вот, уверенность в том, что он делает хорошее дело, помогает человеку держаться на допросе. Ну если не до победного конца, то до того состояния, когда он сумеет здорово утомить следователя. А следователь – это ты. Тебе это надо – быть утомленным?..

Тут Кулхард посмотрел на Лойдуса с выражением крайнего удивления, а его квадратные брови подпрыгнули на сморщенный лоб.

Новичок понял, что от него требуется, и сказал:

– Не надо.

– Вот! – Брови Кулхарда вернулись на место. – Значит, начинай обвинять ее в пособничестве похитителям людей. Вспомни все последние сводки, где пропадали дети и родители оставались безутешными или наоборот – дети становились сиротами. В общем, напускай слезу и внимательно следи за реакцией подопечного: как только видишь, что он поплыл – то есть готов раскаться, немедленно дай ему по морде.

– А сводки о похищениях мне дадут? – спросил Лойдус.

– Конечно. Этого безобразия становится все больше. И если здесь, на равнинах, каждый случай – сенсация, то в мегаполисах побережья люди исчезают сотнями за неделю.

– Так много? – удивился Лойдус.

– Представь себе. Народу там тьма, каждый день приезжают и уезжают десятки тысяч людей, и кто из них не добирается до конечного пункта путешествия, выясняется значительно позже. А бывает, что и никогда.

– Но как же это происходит, сэр? Нельзя же воровать такое количество людей и нигде не засветиться.

– Выходит, можно... «Старшие братья» из ЕСО говорят, что существует способ какого-то там спектрального разложения, когда тело расслаивают на первоначальные электромагнитные составляющие и – фьють, пересылают в определенную точку пространства.

– Фан-тас-тика, – с чувством произнес Лойдус.

– А то...

9

Северный ветер цеплялся за вершины гор и, срывая их снежный покров, поднимал целые бураны, швыряя заряды снега в борт вертолета. Машину трепало, бросало из стороны в сторону, однако погруженный балласт делал свое дело, и пилот умело сопротивлялся атакам разыгравшейся бури.

Стоявший неподалеку от него командир группы Буджолд не отрываясь смотрел на сходящиеся линии пеленгатора, чтобы точно засечь место падения объекта.

Сегодня, в четыре сорок шесть, сработала защита района «Билон-2746». Установленные в горах ракетные установки дали залп по обнаруженным целям, и два пилотируемых аппарата рухнули в горах. К месту их падения и спешили теперь пять групп ЕСО.

– Есть точка пеленга!.. – объявил командир группы.

Все агенты поднялись со своих скамеек и, приготовив крепезные карабины, встали в колонну по одному.

Вскоре, справившись с болтанкой, пилот заставил машину зависнуть над указанной точкой. Распахнулись десантные створки, и внутрь вертолета ворвался ветер и колючий снег.

– Пошли вперед! – скомандовал Буджолд, и его подчиненные, зацепив карабины за стальную планку, стали прыгать в ночную темноту, и только удалявшийся свист лебедек говорил о том, что они не исчезают вовсе, а лишь спускаются вниз, навстречу неприветливым склонам и острым камням.

Агент Эйдо напряженно вглядывался вниз, чтобы не прозевать тот момент, когда нужно будет нажать на тормоз. И хотя его лебедка действовала автоматически и имела умный блок управления, Эйдо предпочитал действовать вручную. На все сто он доверял только себе.

Наконец он уловил еле заметное эхо от поверхности склона и сразу дернул рычаг тормоза. Последовал сильный рывок, и ремни больно врезались в тело, однако Эйдо был привычен к таким фокусам и только слегка поморщился, когда его подошвы крепко приложились к мокрым камням.

Склон оказался сыпучим, и Эйдо заскользил вниз, однако его трос крепко прихватил Долан, и Эйдо сумел встать на ноги, поблагодарив товарища кивком.

Последним, так же неудачно, как Эйдо, приземлился командир группы Буджолд. Долан сумел поймать и его, и теперь все были на месте.

По команде старшего агенты отстегнули лебедки, и те бесшумно взлетели вверх. Вертолет стал набирать высоту, и ветер сразу ослабел, а вокруг стало немного светлее. Впрочем, темнота для агентов ЕСО помехой не являлась.

Буджолд сверился с показаниями приборов, и его люди, выстроившись в цепочку, начали спускаться вниз. Восемь человек – восемь защитников своего народа шагали по острым камням и смотрели в темноту, стараясь разглядеть находившиеся поблизости обломки.

Остальные группы высадились чуть дальше и искали другой аппарат. Судя по их переговорам, объект был найден и оказался менее поврежден, чем тот, к которому спускалась группа Буджолда.

Случалось, что пилоты оставались живы, и тогда приходилось выдерживать короткий бой.

Пилоты-саваттеры были храбрыми солдатами и хорошими стрелками, но к тому моменту, когда их настигали поисковые группы, они уже слабели от ран и не могли долго сопротивляться.

– Развернуться в цепь! – скомандовал Буджолд, и агенты быстро разбежались в стороны с дистанцией в двадцать шагов – это был предел, на котором они могли видеть в абсолютной темноте.

Заглушаемая помехами и воем северного ветра, до Эйдо донеслась фраза командира второй группы Ловейда: «Ушел, сволочь!.. Давай скорее по следу и вызовите группу с собаками!..»

«Значит, пилот жив», – подумал Эйдо и крепче сжал короткоствольный автомат. Нападения раненого саваттера можно было ожидать в любую секунду.

– Я нашел часть фюзеляжа, сэр!.. – сообщил Гонатар.

– Стой там, я сейчас подойду к тебе, – отозвался Буджолд.

Это означало, что едва ли пилот второго аппарата был жив. Если его судно разлетелось в воздухе, шансов у него не оставалось никаких.

«В стремлении уничтожить нас саваттеры идут на смертельный риск. И что же в нас есть такого отвратительного, что они воюют с нами так долго?» – размышлял Эйдо.

Камень выскочил у него из-под ноги, и Эйдо едва не упал, однако извернулся и удержался на склоне. Чтобы закрепиться как следует и перевести дух, он ухватился за ветку небольшого куста, надежно сидевшего в толще каменных пород.

И в этот момент Эйдо неожиданно увидел пилота.

Саваттер лежал в нескольких метрах и выглядел ужасно. Должно быть, он летел до земли целый километр, прежде чем разбился о каменистый склон.

Эйдо видел людей, жителей долины, которые калечились подобным образом. Они срывались в ущелье, когда плутали по горам, или скатывались в пропасть, пытаясь добраться до вершин. Они были слабы, и им хватало совсем немного, чтобы превратиться в такой вот расплюснутый мешок с костями. Саваттер же был крепок, любой другой на его месте превратился бы в мокрое пятно.

– Я нашел его, сэр, – произнес Эйдо в свой микрофон.

– Ты где? – спросил Буджолд.

– Чуть выше вас, сэр. Справа...

– Ага, вижу тебя, Эйдо. Сейчас поднимусь...

И командир Буджолд стал карабкаться по осыпавшимся камням, хватаясь руками за выступы и вцепляясь в разбежавшиеся по песчанику глубокие трещины.

10

Утро принесло успокоение ветра и немного солнца продрогшим агентам ЕСО.

Просидев в ущелье пару часов до рассвета, группа Буджолда стащила в кучу все обломки разбитого судна и благополучно передала их прибывшей команде погрузчиков, которых оперативные агенты называли ломовиками.

Ломовики прибыли на уродливом фреймвуте, который ревел, как сказочный дракон, и сыпал искры из непрогревшихся сопел. Когда он наконец сел и сбавил обороты, Эйдо почувствовал, что почти оглох.

То же самое испытывали и остальные члены группы. Буджолд отчаянно ругался, но его никто не слышал.

Ломовики знали свое дело, и вскоре все обломки судна были погружены в распахнутое чрево фреймвута.

Когда он начал взлетать, оперативники Буджолда прикрыли уши руками и пригнулись к камням, поскольку стартовые струи грузовика буквально сбивали их с ног.

Еще не успел смолкнуть гул удалявшегося судна, как над ущельем появился штатный вертолет группы. Поскольку ветер стих, пилот без проблем опустил вниз ковш, в который агенты погрузили останки пилота-саваттера и забрались сами. Затем запели тросы, и ковш был подтянут к вертолету.

В лицо оперативникам пахло теплом, и они с облегчением попадали на неудобные скамейки, смахивая с одежды намерзшие сосульки.

Вертолет качнулся и лег на курс, а Эйдо припал к иллюминатору, надеясь увидеть команду преследователей.

И вскоре он ее увидел. Пятеро агентов с двумя поисковыми псами почти что бегом поднимались на склон холма, на котором стоял дом. Эйдо покачал головой. Ему с трудом верилось, что раненый саваттер сумел уйти так далеко.

Чуть дальше, за холмом, встречным курсом прошла пара «слухачей». Они шли на предельно низкой высоте, из чего следовало, что маршрутизатор еще не найден.

Маршрутизатор. Совсем маленькая и с виду безобидная коробочка, однако именно из-за такой пустяковины, однажды не найденной в горах, последние десять лет этот район штурмовали саваттеры.

Они врывались в атмосферу Туссено и стремительно неслись к поверхности, чтобы выбросить как можно больше маршрутизаторов и организовать настоящий навигационный узел. Допустить этого было нельзя, поскольку вслед за этим саваттеры могли высадить десант.

А что такое десант саваттеров? Эйдо подозревал, что об этом лучше не знать. Ему показывали записи с эпизодами войн в далеких мирах. Такой мясорубки не помнила история конфликтов. И вот теперь враги стремятся обозначить Туссено на своих картах.

Эйдо вздохнул и, отвернувшись от иллюминатора, посмотрел на Буджолда. Тот сидел неподвижно, обеими руками прижимая к себе драгоценный и опасный груз – найденный у пилота маршрутизатор.

Его следовало доставить в управление, снять с него показания и только потом уничтожить в индукционной печи.

Вертолет перевалил последний хребет, и внизу показались постройки комплекса полицейского управления. Сюда надлежало сдавать все находки.

Машина начала снижаться, затем зависла над посадочным квадратом, словно размышляя, стоит ли садиться. Наконец вертолет коснулся поверхности и сбросил обороты.

Двери распахнулись, и вся команда вышла наружу, под струи холодного воздуха, который перемалывали мелькавшие лопасти.

Тело саваттера вынесли на носилках, и Эйдо пошел впереди, чтобы указать дорогу к дверям патологоанатомического отделения.

Вскоре передача состоялась, и останки пилота увезли внутрь здания, взамен выдав расписку. Теперь надлежало завизировать ее в следственном отделе и узнать фамилию прикрепленного следователя.

– Идите к воротам, я догоню, – сказал Эйдо своим товарищам, а сам вошел в здание управления окружного шерифа и стал подниматься на второй этаж.

При виде агента ЕСО попадавшиеся на пути сотрудники управления торопились уступить дорогу. Эйдо чувствовал их страх, однако он почти привык к этому. Он знал, что ЕСО боятся, но не задумывался, почему.

«Наверное, потому, что в наших рядах все ребята крепкие и высокие, а эти – какие-то карлики», – решил Эйдо и толкнул дверь под номером тридцать четыре.

Два человека, которые там находились, вскочили на ноги. В глазах одного из них, судя по нашивкам, старшего следователя, таился страх. Второй, в форме патрульного полицейского, смотрел с любопытством.

Эйдо невольно задержал на нем взгляд – такое отношение было для него в новинку.

– Вот, распишитесь, что приняли тело на освидетельствование, – сказал агент ЕСО.

– Да, сэр. Конечно, сэр, – пробормотал старший следователь и не глядя подмахнул бумажку.

– А кто будет вести дело? – спросил Эйдо.

– Он! – мгновенно ответил старший и ткнул пальцем в молодого полицейского.

– Но на нем форма патрульного, – возразил агент.

– Только форма, сэр, – подобострастно улыбнулся старший следователь. Однако улыбались лишь его губы. Глаза оставались настороженными и даже враждебными. – Этот полицейский назначен следователем, и у него имеется необходимая подготовка.

– Хорошо, – кивнул Эйдо и вежливо добавил: – До свидания.

11

Гигант осторожно прикрыл за собой дверь, и его тяжелые шаги забухали по коридору.

– Нет, ну ты видел, каков бизон, а? – произнес Кулхард, который все еще стоял, не вполне владея собой.

Наконец старший следователь сел, однако его руки беспокойно подергивались, и он совершенно произвольно выдвигал и задвигал ящики.

– Да он просто напугал меня, сука! – наконец признался Кулхард и, глубоко вздохнув, сцепил непослушные руки в замок.

– Чем же напугал, сэр? – недоуменно спросил Лойдус.

Он впервые видел сотрудников ЕСО так близко и испытывал некоторое возбуждение, сравнимое с детским впечатлением от увиденного в зоопарке носорога.

– Чем напугал? Да всем... – неопределенно ответил старший следователь.

Неожиданно дверь открылась, и появился улыбающийся Хорст Эви.

– Итак, шеф, я отсутствовал целых сорок восемь минут и теперь имею полное право занять место за своим столом! – дурачась, сказал он и уверенно проследовал на свое место.

– Потихе, увалень!.. ЕСО здесь, – произнес Кулхард, особо выделяя заколдованное слово.

– Где?! – напрягся Хорст.

– Только что были здесь, – сказал Кулхард.

– Точно, – подтвердил Лойдус, невольно проникаясь всеобщим опасением.

– А чего им надо?

– Да ничего особенного. Подкинули Лойдусу новое дельце.

– Бедный Лойдус – теперь на нем потроха двух саваттеров, – злорадно пропел Хорст и шлепнулся на свой стул.

Лойдус беспомощно посмотрел на Кулхарда.

– Не бойся, – сказал тот. – Один из них уже прикрыт. Вот видишь, этот убийца оставил нам корешок, и тут стоит цифра один...

– Да, вижу, – слабо отозвался Лойдус.

– Это означает, что маршрутизатор найден и ничего расследовать не нужно. Оформись закрытие дела, и все, а заниматься будешь только своей бабой.

– Какой бабой? – тут же заинтересовался Хорст.

– Где моя кружка, господин следователь? – неожиданно сменил тему разговора Кулхард.

– Так я ж тебе сказал – ее Питер профукал.

– А зачем ты ее Питеру давал?

– Но ты ведь тоже давал.

– Я давал свою кружку, а ты неправомерно распорядился чужой собственностью. Ты понимаешь, что преступил закон, козел ты долбаный?

– Но-но, босс, только без оскорблений!.. – возмутился Хорст.

– А разве я кого-нибудь оскорбил? – удивился Кулхард. – Я просто назвал долбаного козла долбаным козлом.

Хорст попытался еще что-то возразить, но Кулхард не дал ему раскрыть рта:

– Поднимайся из-за стола и тащи мне кофе из автомата. Мне и господину новому следователю. – Кулхард указал пальцем на Лойдуса и спросил: – Как твое полное имя?

– Ганс Фердинанд Лойдус.

– Ты слышал, Хорст Митчел Эви?.. Принесешь кофе мне и господину следователю – Гансу Фердинанду Лойдусу. Понял?..

– Конечно, мой фюрер, – кивнул Хорст, чувствуя свою вину за профуканную Питером чашку. – Сейчас принесу...

Когда он вышел, Лойдус просил:

– А что такое «фюрер», сэр?

– Откуда я знаю? Хорст изучал в университете историю древних миров и, бывает, вставляет какие-то неизвестные словечки, но я не обращаю на это внимания.

12

Рино Лефлер стоял возле увитой плющом беседки и смотрел на светящееся окно Биргит. Собственно, это имя он дал ей сам, поскольку не знал настоящего, но как временное оно ей вполне подходило.

Рино посмотрел на часы. В данный момент Биргит смотрела новости, затем должна была пойти в ванную, а уже потом в своей спальне будет переодеваться ко сну.

Лефлер наблюдал ее только до пояса. Он мог бы забраться на крышу соседнего дома и рассмотреть другие волнующие подробности, но ему этого не хотелось. Всяческой грязи было достаточно и на службе, а Биргит являлась для него отдушиной – ведь по сути Лефлер был романтиком.

Именно поэтому бесплатных услуг проституток ему не хватало. Жрицы любви давали лишь небольшую передышку его телу, но душа продолжала терзаться и хотела настоящего томления, с переживаниями и высокой поэзией чувств.

Приглушенный ширмой свет погас. Это означало, что Биргит перешла в ванную. Сейчас струи теплой воды скользили по ее телу, и вместе с ними по нему скользило воображение Рино Лефлера.

Он мог проникнуть к Биргит в дом, когда ее не было, и поставить миниатюрную камеру в ванной комнате, но тогда бы исчезла тайна и Биргит превратилась бы в одну из тысяч красивых женщин, которые ежедневно встречаются на улицах Гринстоуна.

Из форточки на первом этаже выбрался здоровенный кот и на секунду отвлек внимание Лефлера. Кот пошевелил ушами и, не почуяв опасности, грациозно прыгнул на клумбу, чтобы справить нужду среди ароматов осенних цветов.

В ближайшем подъезде послышался шум, а затем под тусклым фонарем появился бездомный пьяница.

Лефлер посмотрел на него как на редкого зверя. За последние три года, когда пропажи людей в городе приняли катастрофический характер, количество бродяг резко уменьшилось, поскольку они оказались самой легкой добычей похитителей.

С трудом удерживаясь на нетвердых ногах, пьяница подозрительно осмотрел двор и, шатаясь, пошел по своим делам.

«Даже в свободное от работы время я остаюсь полицейским», – подумал Лефлер и снова сосредоточил свое внимание на окне Биргит. Теперь она вернулась в спальню и готовилась ко сну.

Рино поднял бинокль со встроенным структурным дешифратором и навел его на заветное окно. Подкрутив настройку, он остался один на один со своей Биргит.

Вот она сбросила халат, и сердце Рино застучало сильнее. До окончания шоу оставались мгновения – сейчас последует облачение в нежнейшую ночную сорочку, и тогда можно будет идти домой, но... возникла непредвиденная заминка.

Биргит держала в руках платье. Цвет его определить было невозможно, поскольку дешифратор такими возможностями не располагал, но в том, что это было платье, Лефлер не сомневался.

«Значит, у нее есть мужчина», – подумал он. Мысль эта не показалась ему новой. Рино допускал, что рано или поздно это случится, ведь Биргит очень привлекательна, однако он испытал что-то вроде шока. Сегодня он не был готов к измене своей романтической Биргит.

Постороннее движение снова отвлекло внимание Рино. Облегчившийся кот встал на задние лапы и терзал стену, оттачивая когти.

«Счастливый ты, усатая сволочь, – подумал Рино. – Небось тебя никто не похищает».

Неожиданно, черным клубком, по двору метнулся силуэт уличного пса, и вальяжный кот в одно мгновение взмыл к спасительной форточке. Собака бессильно лязгнула зубами и заскулила от досады, а кот, не показывая, что сильно перепугался, исчез в темном пространстве хозяйской квартиры.

«Да, – подумал Рино, – и у них тоже не все так просто».

Между тем Биргит уже надела платье и занялась прической. Судя по тому, с какой тщательностью она приводила себя в порядок, предстоящему свиданию придавалось большое значение.

Рино наблюдал за нею, стараясь больше не давать волю своим чувствам. Домой идти не хотелось, и он решил сопровождать девушку, сколько это будет возможно, пока не убедится, что ей ничто не угрожает.

Наконец свет в комнате Биргит погас, и спустя минуту она вышла из подъезда.

Рино Лефлер тут же оценил объект своего романтического увлечения. На Биргит был светлый жакет, темная юбка до колен и полусапожки из мягкой кожи.

Кроме сумочки Биргит держала в руках что-то вроде складного зонтика. Лефлер знал, что это всего лишь слабый плазменный шокер. Многие считали его подходящим средством для собственной защиты, однако Рино было известно, что на местах пропажи людей кроме личных вещей часто находили подобные приспособления, так и не уберегшие своих хозяев от похищения.

Оглядевшись, Биргит вышла со двора на улицу, и Лефлер, незаметно отделившись от беседки, последовал за ней.

13

Несмотря на довольно раннее время – стрелки на часах Рино показывали без четверти десять, – машин было совсем немного. Поймать такси в этот час было довольно проблематично, и Биргит отправилась пешком, иногда оглядываясь и стараясь побыстрее пройти те места, куда не добирался свет уличных фонарей.

«Это тебе не центр города, – сказал про себя Рино, видя беспокойство девушки. – Это Виллидж-Энд, где много зелени и деревьев, но мало света и порядка».

Этот район города считался одним из самых экологически чистых, однако за это удовольствие местным жителям приходилось платить меньшей безопасностью. Множество пустынных аллей и оставшихся от старого парка островов леса скрывали не только любителей разбойничать на темных улицах, но и тех, кто уже не первый год держал в страхе городских жителей.

Из пивной, на пересечении Остин-Драйв и Двадцать четвертой улицы, вышли трое подвыпивших мужчин. Заметив Биргит, они весело замахали ей руками и попытались перейти улицу. Однако компания действовала несогласованно – все тянули в разные стороны. В результате Биргит продолжила движение к центру, с деланой небрежностью помахивая зонтиком-шокером.

Возле Дворца правосудия, сумрачного здания с высокими темными окнами, прогуливались десятка полтора старушек из клуба «Дети Марианны». Вокруг них, словно собаки, охраняющие стадо овец, следовали четверо вооруженных охранников из частного агентства.

Старушки вели между собой неспешные беседы и вспоминали прошлые времена, когда гулять по городу можно было не боясь.

Заметив Биргит, охранники на минуту отвлеклись от своих обязанностей и проводили взглядами ее стройную фигуру.

Дойдя до очередного поворота, девушка остановилась в раздумье. Рино понял причину ее сомнения. Биргит следовало принять решение – идти ли ей через массив старых построек, по узким, мощенным булыжником улочкам, что значительно сокращало ее путь, или продолжать держаться достаточно освещенной Остин-Драйв.

Биргит размышляла совсем недолго и решительно двинулась по короткой дороге.

«Рисковая девчонка», – усмехнулся про себя Рино и, поправив кобуру пистолета, следом за Биргит перешел пустынную улицу.

Со стороны Центрального вокзала послышался шум набравшего скорость поезда, где-то играла музыка – несмотря на опасность, люди продолжали жить и развлекаться. Именно эта их беспечность давала возможность саваттерам – в том, что это делали они, Рино не сомневался – похищать людей с улиц, а иногда прямо из незапертых квартир.

В долине, за пределами города, дела обстояли еще хуже. Фермерские семьи пропадали из своих домов безо всяких следов. И что самое удивительное – никто из них ни разу не попытался позвонить в полицейское управление, чтобы сообщить о нападении. Возможно, жертв гипнотизировали или глушили парализующим газом.

Агенты ЕСО неоднократно предупреждали, что саваттеры обладают множеством секретов и противостоять их коварству чрезвычайно сложно.

Завернув за угол, Рино снова увидел Биргит. Теперь она почти бежала, постукивая каблучками по неровной мостовой. Бедняжка казалась такой напуганной и одинокой посреди мрачных домов с затемненными равнодушными окнами, что Лефлеру стало ее жаль. Он подумал даже догнать девушку и уговорить вернуться домой.

Однако, поразмыслив, Рино решил не делать этого. Ему было любопытно, к кому, пренебрегая безопасностью, так спешила Биргит. Она даже отказалась от платья, которое хотела

надеть первоначально, видимо, сделав выбор в пользу более привычной одежды. И это только подчеркивало ее чрезвычайное волнение.

«Ну и пусть», – произнес про себя Рино, попутно отмечая постороннее движение возле темного парадного одного из особняков. Человеческий силуэт метнулся вдоль стены и растворился на ее фоне.

Словно почувствовав опасность, Биргит обернулась и приготовила свой шокер.

Лефлер ускорил шаг. Если кто-то собирался напасть на Биргит, он мог сделать это очень быстро.

Между тем девушка, вместо того чтобы бежать, держала перед собой шокер и пятилась к подстриженному массиву кустарника «бона-бона», опоясывающего один из домов.

Неожиданно прямо из кустов высунулась рука и, обхватив девушку за шею, утащила в заросли.

Послышался приглушенный вскрик, и Лефлер, сорвавшись с места, помчался вперед. Он со всего разбега пробился через кусты, но, как назло, одна из веток больно хлестнула его по лицу.

Почти ничего не видя, Рино оказался перед глухой стеной, возле которой стоял неизвестный громила. Одной рукой он держал Биргит за горло, а вторую отводил для удара.

Превозмогая резь в глазах, Лефлер заметил блеснувшую в тусклом свете уличного фонаря цепь и металлический шар с остро отточенными шипами.

В одно мгновение все стало на свои места. Это был Молотобоец – неизвестный убийца, буквально обезглавливающий свои жертвы ударами ужасного орудия. Лефлеру не раз приходилось видеть его работу.

Мгновенно среагировав на появление неизвестного с пистолетом, маньяк взмахнул своим оружием так легко, будто это была детская игрушка.

Рино вовремя отпрянул, и поющие в воздухе шипы пронеслись у него перед носом.

Самое время было выстрелить, но за спиной маньяка находилась Биргит. Она тоже могла пострадать, ведь в магазине «байлота» сидели патроны повышенной пробиваемости.

Лефлер хотел прострелить маньяку ногу, однако тот был на удивление быстр. Молотобоец взмахнул шаром еще раз, и пистолет полицейского отлетел в сторону, а его на руке появился глубокий порез.

«Убьет», – промелькнуло в мозгу Рино.

Уловив очередной замах для удара, которым Молотобоец собирался покончить с противником, Лефлер нырнул под его руки и, обхватив широченный торс, постарался повалить гиганта на землю.

Однако это ему не удалось. Тогда Рино, как заправский боксер, провел серию ударов снизу, атаковав пах противника. Мера оказалась действенной, и Молотобоец вскрикнул, скорее от удивления, чем от боли. Он тут же попытался оторвать от себя прилипчивого полицейского, чтобы воспользоваться своим оружием, однако Лефлер понимал, чем ему это грозит. Ему и Биргит, которая лежала возле стены в глубоком обмороке.

Он держался из последних сил и искренне жалел о тех временах, когда на любой подозрительный шум граждане вызывали полицию. Тогда эта склонность населения к паникерству вызывала у Рино и его коллег только раздражение, однако сейчас он бы не отказался получить подкрепление.

Между тем неравная схватка продолжалась, и, если бы громила не пытался поразить Рино именно шаром с зубьями, судьба полицейского была бы уже решена. Молотобоец попробовал ударить еще раз, но Лефлер что есть силы рванулся в сторону, и цепь, на которой висел разящий шар, захлестнула шею незадачливого маньяка. Поняв, какая ему привалила удача, Рино отпустил убийцу и, схватившись за шипастый шар, повис на нем всей своей тяжестью.

Громила не выдержал и повалился на спину, обеими руками пытаясь сорвать стальную удавку, однако Лефлер уже уперся в шею противника ногами и сильными рывками стягивал петлю, не оставляя Молотобойцу никаких шансов.

Наконец маньяк ослаб и его руки разжались, однако Рино продолжал держать цепь натянутой, зная, что подобные психопаты очень живучи.

Между тем возле стены шевельнулась Биргит, и Рино невольно улыбнулся, представляя, как будет объясняться с ней по поводу его героического поведения. В мыслях полицейского пронеслись образы соблазнительных поз Биргит, ее горячие поцелуи и... Неожиданно резкая боль в спине заставила Лефлера выгнуться мостиком и выпустить стальную цепь. Последнее, что он слышал перед потерей сознания, был треск плазменного шокера.

14

Когда чернота прошла, Лефлер открыл глаза и увидел тусклую лампочку, висевшую под козырьком ближайшего подъезда.

Рино созерцал ее несколько мгновений, но затем тревожный сигнал заставил его мозг заработать в полную силу: Биргит!.. Молотобоец!..

Лефлер резко сел и сразу же увидел бездыханное тело маньяка.

«Уф!» – мысленно выдохнул он. Значит, полдела было сделано, однако почему-то Рино не чувствовал себя победителем.

Поднявшись на ноги, он повел лопатками и почувствовал легкое жжение в том месте, куда Биргит вонзила жало своего шокера.

– Глупая сучка, – произнес Лефлер, и ему привиделась странная сцена, в которой он и Биргит в одной постели и в самый ответственный момент она вонзает в него шокер.

– Бред, – сказал Рино, успокаивая свой рассудок. – Это всего лишь бред. Но где же мой пистолет?..

Пошатываясь, он подошел к кустам и, пошарив по земле руками, быстро нашел свой «байлот».

– Возвращайся к папочке, – произнес Рино и сунул пистолет обратно в кобуру.

Итак, он имел полное право возвратиться домой, предварительно вызвав полицейский наряд. За обезвреживание Молотобойца его ожидало поощрение и денежная премия, однако всего этого Рино было мало, и природное упрямство толкало его дальше – на поиски Биргит.

Теперь уже не составляло труда догадаться – девушка спешила на площадь Ронсон. Это был культурный центр города, где помимо ресторанов с первоклассным меню находились два популярных городских театра – «Глобус» и «Шифоньерка».

В «Глобусе» сегодня давали премьеру «Как и Фак» классика Вилли Хакспера, а в «Шифоньерке» ожидался мюзикл, длинное название которого Рино не помнил.

Достав из кармана миниатюрный передатчик, Рино хотел связаться с участком, передумал и решил сначала сходить на площадь. Тем более что в кустах труп Молотобойца был в полной безопасности.

Отряхнув брюки и замотав порез на руке носовым платком, Лефлер пошел в сторону площади, спотыкаясь в темноте о выпиравшие из мостовой булыжники.

Через несколько минут он уже вышел на залитое светом пространство, где было много праздной публики. Только здесь, в центре города, люди чувствовали себя в относительной безопасности.

Рино постоял несколько секунд, ожидая, пока глаза привыкнут к яркому свету, и направился в сторону парикмахерского салона «Ласточка», где надеялся привести себя в порядок и получить первую помощь.

– О, Рино! – воскликнула Лизи, миловидная брюнетка в коротком халатике. – Как давно тебя не было видно!..

– Привет, крошка, – через силу улыбнулся Лефлер. – Ты свободна?

– Для тебя всегда, – совершенно искренне ответила Лизи, чем вызвала неодобрительный взгляд сидевшей в ее кресле клиентки. Голову дамы украшала пышная шапка пены. Оздоровляющие химикаты, по обещаниям производителей, должны были вдвое увеличить количество волос.

– Привет, красавчик!.. – поприветствовала Лефлера Роза, пышнотелая крашеная блондинка, которая играла роль подруги Лизи, однако не упускала случая увести чужого кавалера. – Иди в мое кресло, я вижу, что тебе нужно побриться и изменить прическу.

– Главное – рука, – сказал Рино, показывая Розе зажатый в кулаке окровавленный платок.

– Справимся и с этим, – уверенно сказала та и развернула к Лефлеру кресло. Рино сел и протянул Розе раненую руку.

В этот момент в зал спустилась хозяйка салона – мадам Орнелла. Увидев Рино, она улыбнулась широко и фальшиво, как ее челюсти, и пропела:

– Ах, какая прелесть!.. Рино, ты к нам как клиент или по службе?

– А как вам больше нравится, Орнелла? – спросил Лефлер.

– Такой красивый мальчик, как ты, Рино, подходит нам в любом качестве.

С этими словами мадам не без чувства уцепилась за колено Лефлера, прошелестев своими одеждами, исчезла в маникюрном зале.

– Старуха, – тихо обронила Роза, умело бинтуя Рино руку. – То ли дело мы, девушки в самом соку.

Сказав это, Роза подмигнула Лефлеру, вызвав полный ревности и злобы взгляд Лизи, которая начала слишком энергично втирать пену в голову своей клиентки.

– Поосторожнее, милочка! – возмутилась та.

– Это обычное дело, мадам. Хотите стать красивой – терпите.

Лефлер прикрыл глаза. После перевязки его рука перестала саднить, а ножницы Розы пели, словно птички, создавая ему новую прическу.

«Пожалуй, мне действительно не мешало постричься, да и побриться тоже, – размышлял Лефлер. – Неудивительно, что эта девчонка шарахнула меня шокером. Был бы стриженным, этого бы не случилось».

Представив, каким перепуганным было лицо Биргит, когда она тыкала его шокером, Рино невольно улыбнулся.

– Тебе нравится? – промурлыкала Роза, приняв это на свой счет.

– Да, конечно, – ответил Лефлер и, приоткрыв глаза, понял, что имела в виду Роза. Ее халат был распахнут слишком смело, но она делала вид, что все происходит без ее участия.

– Нагнись, солнышко! – пропела Роза и, когда Рино повиновался, пустила на его голову струю горячей воды.

Между тем Лизи уже отпустила свою измученную клиентку и, подойдя к Лефлеру, сказала:

– Давай куртку, Рино, я ее зашью, пока Роза будет демонстрировать тебе свои прелести!..

– Ой! – воскликнула захваченная врасплох Роза. – А я и не заметила, как все это расстегнулось.

– Не переживай, – успокоил ее Рино, отдавая куртку Лизи. – Тебе идет.

Замогаив голову Лефлера тяжелым полотенцем, Роза приступила к бритью.

Острая бритва заскользила по намыленным щекам, и Рино отвлекся, размышляя, где теперь можно найти Биргит. Возможно, в «Ролтексе», ресторане для любителей морской кухни, а может, в «Ургуссе», где подавали непрожаренные бифштексы.

Вскоре бритье было закончено, и Рино зажмурился, когда Роза стала яростно опылять его спреем.

– Спасибо, спасибо, дорогая, – защищая лицо перебинтованной ладонью, сказал Рино. – Вот тебе за работу.

Лефлер бросил на столик пятьдесят кредитов, в полтора раза больше, чем следовало, и поспешно поднялся с кресла, чтобы не нарваться на предложение о свидании. Сейчас у Рино просто не было свободного времени.

Однако ему пришлось поцеловать Лизи, которая не хотела возвращать ему куртку просто так, безо всякой платы. Впрочем, заштопала она ее очень хорошо, и Лефлеру не было жалко всего лишь одного дежурного поцелуя.

Спустя минуту он уже шагал по площади, выбрав для первоначального обследования ресторан «Ролтекс».

Едва он вошел в зал, в его сторону направился метрдотель, но Рино остановил его жестом, показывая, что сейчас же уйдет. Биргит здесь не было.

Рядом с морским рестораном сверкало вывеской небольшое кафе, и Рино пошел туда, а войдя, утонул в смешанных запахах кофе, ванильного мороженого и табачного дыма, исторгнутого из слабых легких курящих посетителей.

– Желаете порцию «Сливочного поросенка»? – узнав Рино, спросил бармен.

– Нет, Доил. Скажи-ка лучше, не заходила ли сюда девушка в светлом жакетике, темной юбке и...

– Попка как персик? – уточнил бармен.

– Пожалуй, так, – согласился Рино.

– Одна такая здесь появлялась. Взяла шоколадно-ромовый буккен и пошла прямо к подъезду «Глобуса».

И бармен указал рукой на прозрачную витрину, через которую хорошо был виден вход в театр.

– Спасибо, дружище, – поблагодарил Рино.

– Не за что, – ответил тот.

15

«И как это я сразу не понял, что она идет в театр, – укорил себя Рино и тут же поправился: – Вернее, не в театр, а к театру. И это после того, как она едва не стала жертвой Молотобойца, а затем еще шарахнула меня шокером».

Возле ярко освещенного подъезда стояло человек тридцать нарядно одетых мужчин и женщин. Чего они ждали, Рино не знал и внимательно посмотрел по сторонам, стараясь первым увидеть Биргит. Нельзя было исключить, что она испугается, если вдруг опознает его.

Снова промелькнула разумная мысль доложить о Молотобойце и возвращаться домой, однако, начав это дело, Рино уже не мог остановиться.

«Подожду, пока она встретится со своим парнем, и тогда уйду», – решил он.

Между тем спектакль закончился, и толпа зрителей стала спускаться по высокому крыльцу. Люди были возбуждены и продолжали обсуждать подробности представления.

Водители такси и представители охранных структур тут же предлагали свои услуги тем горожанам, кому добираться домой было слишком далеко.

Рино отошел в сторону и продолжал наблюдать, выискивая Биргит, однако та все не появлялась.

Наконец он смекнул, что, возможно, девушка дежурит у запасного выхода – в том случае, если ждет кого-то из персонала театра.

Лефлер обогнул здание и действительно увидел Биргит, которая разговаривала с какой-то женщиной. Стараясь оставаться незаметным, он подкрался ближе и услышал низкий голос собеседницы Биргит:

– Сейчас он выйдет, милочка. Только смоев грим и сразу к вам...

В голосе незнакомой дамы Рино уловил нотки сочувствия.

– Наверное, он сильно устает? – Послышался мелодичный голосок Биргит, и это было для Лефлера неожиданностью – он еще ни разу не слышал ее голоса.

– Конечно, устает, – с унылыми интонациями произнесла неизвестная мадам. – На сцене ему приходится выкладываться полностью. Чтобы оставаться звездой, нужно не шадить себя.

– Но при этом у него еще хватает сил и чувств так завораживать! Так говорить!.. – восторженно произнесла Биргит.

– Это неудивительно. Такие молодые девушки, как вы, еще в состоянии зажигать его увядшее либидо.

– О чем вы говорите? – не поняла Биргит.

– Я хочу сказать, милочка, что лучше вам идти домой и не дожидаться этого старого похотливого козла.

– Он... он не козел. Зачем вы так говорите?

– Ну, как угодно, – пожала плечами мадам и, достав сигареты, закурила.

Биргит отошла в сторону, кутаясь в свой жакет и посматривая на шербатые ступеньки запасного выхода.

Наконец терпение девушки было вознаграждено, на пороге появился объект ее воздыханий. Несмотря на то, что он стоял слишком далеко, Лефлер сразу узнал его. Это был Пьезо Бах, нынешняя знаменитость театра «Глобус», в полицейских сводках чаще именуемый «Артистом».

Артист был любителем скандалов. И недели не проходило, чтобы его с разбитой мордой не привлекали патрульные бригады. Артиста умывали, оказывали первую помощь и возвращали его влиятельным почитательницам, которые непременно появлялись в участке, едва за их кумиром захлопывалась тюремная дверь.

– О моя Баядера!.. – воскликнул Пьезо, раскинув руки в заученном театральном жесте. – Как же я рад вас видеть!

– И я рада, – несмело ответила Биргит, ослепленная значимостью мистера Баха.

Вихляющей походкой престарелого Казановы артист подошел к девушке и церемонно поцеловал ей руку.

– Куда пойдем, моя крошечка? Где бы ты хотела, чтобы я преподал тебе урок истинного искусства?..

– Можно в кафе... – пожала плечами Биргит.

– Ты мне должен, – напомнила Баху курящая мадам.

– Это неэтично, Леонора, – проворчал Бах и протянул ей ассигнацию. Леонора спрятала бумажку в карман и, не прощаясь, пошла прочь.

«Вот сволочь», – подумал Лефлер, прячась за угол. Он уже понял, что Пьезо Бах запланировал Биргит на сегодняшний вечер, а его помощница – Леонора стерегла девушку, пока он смывал грим и приводил себя в порядок.

Теперь Бах остался со своей жертвой один на один, и похотливые лапы забирались под жакет крошке Биргит. Лефлер опустил глаза и погладил рукоятку пистолета. Желание пристрелить Артиста было очень велико.

Одно дело, если бы Биргит встретила с каким-нибудь парнем или, на худой конец, с женатым мужчиной. Тогда бы Рино отступил и отправился домой, но оставлять девушку с этим слюнявым старикашкой он не хотел.

– Может, сразу поедem к тебе, крошка? – донесся до Рино голос Артиста. – Честно говоря, я здорово устал. Массы бесконечно кричали мне «бис», и совестно было не порадовать их снова и снова... Оттого и затянулся спектакль.

– Ко мне нельзя – у меня мама дома.

– Мама дома? – неизвестно чему удивился Пьезо. А затем произнес задумчиво: – Мама дома, дома мама... Ну ладно, тогда поехали в «Лукбулл», ведь ты совершеннолетняя?

– Но... может быть, сначала в кафе?

– Ну чего ты заладила – «кафе, кафе...»! – начал терять терпение возбудившийся Бах. – Там с парадной стороны стоят мои почитатели!.. Если они меня поймают, считай, что вечер уничтожен, понимаешь?

Биргит виновато кивнула и опустила голову.

– Вот и умница, – по-своему истолковал ее молчание Пьезо Бах. – Сейчас прихватим такси и вперед, к нашему любовному гнездышку...

Артист огляделся в поисках такси, и Лефлер быстро спрятался за угол, напряженно соображая, что же ему делать дальше. Если они сейчас сядут в машину, он ничего уже сделать не сможет. Ну разве что побежит напрямик, мимо строящегося ресторана, к гостинице «Лукбулл» и организует там засаду. Но стоит ли это делать, если Биргит сама пойдет со старым Бахом?

На самом деле где-то в глубине своего сознания Рино понимал, что он пытается спасти не саму Биргит, или как там ее зовут, а лишь тот образ, который он на нее примерил. Образ девушки-мечты, расставаться с которым он как не хотелось.

– Да где же эти долбаные таксисты?! – гневно воскликнул Бах.

Лефлер тоже огляделся. Действительно, все такси уже разобрали отъезжавшие после спектакля зрители, и по улицам пробегали только редкие частные автомобили, да еще спецфургоны ЕСО, у которых в любое время суток было полно работы.

«Небось гоняются за затаившимися в городе саваттерами», – подумал Рино.

От мысли, что в каждом темном углу может прятаться похититель, который даже сейчас, стоит только отвернуться, может утащить Биргит, Лефлеру стало не по себе. Но выбор был небольшой: следовать за девушкой означало стать свидетелем того, о чем Рино знать совсем

не хотелось, а не следовать за ней – означало дать похитителям полную свободу. Рино почему-то казалось, что именно сегодня он обязан сопровождать Биргит повсюду.

Мимо проехали два грузовика, принадлежащие ассоциации свиноторговцев. Этим машин в городе и его окрестностях было очень много, потому что вся планета кормилась от экспорта свинины.

Свиные биржи, заводы по переработке мяса, фабрики кормов – свиноводство было золотой жилой Туссено, и своим экономическим процветанием планета была обязана этому бизнесу.

Наведя порядок в своих мыслях, Лефлер выглянул из-за угла и выругался. Биргит и Пьезо Баха уже не было. Рино расслышал только доносящийся из темноты стук каблучков и понял, что старый ловелас потащил девушку в «Лукбулл» прямо через стройку.

16

В голове Дженни плыл туман, и она никак не могла собраться с мыслями, чтобы понять – стоит ей идти с мистером Пьезо или лучше возвратиться домой.

Она вовсе не ожидала от него такой прыти, а ее подруга Сандра, которая их познакомила, говорила, что мистер Пьезо очень обходительный джентльмен и может дать Дженни несколько уроков, поскольку та мечтала о театральной карьере.

– Ну, может быть, обнимет, прижмет разочек. Ты не противься – от них, старичков, никакого вреда, – говорила Сандра, хитро улыбаясь.

И хотя Дженни подозревала, что ее подруга прошла уже немало уроков у мистера Пьезо, она надеялась, что у нее все выйдет по-другому.

«Это он только с Сандрой так себя вел, потому что им и поговорить не о чем было. Сандра – она ведь со всеми так», – думала Дженни, торопясь на свидание.

Собственную встречу со знаменитостью она представляла иначе: бесконечные разговоры о театральной жизни, о пьесах популярных авторов, и, конечно же, мистер Бах должен был послушать выученный Дженни отрывок из пьесы «Нежные урки».

Еще это ужасное нападение. Дженни едва не позвонила в полицию, чтобы сообщить о происшествии, и не сделала этого потому, что спешила на встречу с мистером Бахом. К тому же она почти ничего не запомнила. Только сильный рывок и чьи-то сильные пальцы на горле.

А еще запомнила ужасное перекошенное лицо одного из бандитов, которого ей удалось отключить с помощью шокера. Дженни хотела и об этом поговорить с мистером Бахом, поскольку он казался ей человеком проницательным и, безусловно, мудрым, однако тот продолжал тянуть ее за руку и что-то бурчал себе под нос.

– Постойте, мистер Бах! Не нужно так бежать – мне больно!..

– Уже скоро, малышка моя, уже скоро! – бросил через плечо Бах и, не оборачиваясь, пошел еще быстрее.

Перепуганная девушка, как казалось старому Пьезо, излучала такую сексуальную энергию, что он просто сходил с ума. И как только они очутились на территории стройки, Бах понял, что должен получить удовольствие прямо сейчас.

– Пойдем обратно? – с надеждой спросила Дженни, когда мистер Бах вдруг остановился.

– Не спеши, крошка. Лучше встань на колени – так тебе будет удобнее. Если порвешь чулочки, я куплю тебе новые...

– Не нужно, мистер Бах, прошу вас! – не на шутку перепугалась Дженни. – Пойдемте назад, в кафе...

– Какое кафе, глупышка? – прошипел Бах, силой опуская Дженни на колени. – Сделай мне это быстро и считай, что ты принята в театр стажером...

– Но почему же здесь, мистер Бах? Лучше отпустите меня, я хочу домой, – плачущим голосом попросила Дженни.

Осенний ветер раскачивал скрипучие фонари, и тени от торчавших балок тоже раскачивались из стороны в сторону, то удлиняясь, то укорачиваясь, словно тянущиеся из темноты руки.

– Ну же, крошка, не ломайся! Ты хочешь попасть в театр или нет? Только не говори мне, что ни разу этого не делала, – это не твоя роль, я же вижу...

17

На какое-то мгновение Рино потерял Биргит и Пьезо Баха из виду. Он попытался идти быстрее, но едва не упал, споткнувшись о брошенный кирпич. Половина фонарей на стройке не горела, а те, что еще изливали слабый свет, скрипели на ветру, как несмазанные рессоры.

Лефлер догадался, что Бах и Биргит успели скрыться за углом недостроенного здания, и, напрягая зрение, пошел быстрее.

Неожиданно рядом с ним промелькнул какой-то предмет. В одно мгновение предмет подпрыгнул, словно мячик, и оказался на вершине сложенной стопкой бетонных плит.

«Кошка», – определил Рино и вспомнил, что это вторая встреча с кошкой за один только вечер.

На какое-то время ветер стих, и Лефлер услышал голос Биргит. Затем снова закачались деревья, заскрипели фонари, и Рино уже не мог сказать, был ли голос, или это ему только почудилось.

Лефлер двинулся дальше, но неожиданно сидевшая на бетонных плитах кошка изогнула спину и зашипела.

На всякий случай Рино посторонился – кто знает, что на уме у этой подлой животины?

С недоделанной крыши сорвался большой кусок изоляционной пленки. Он проскрежетал по стропилам и свалился вниз. Рино вздрогнул и достал пистолет, затем усмехнулся и сунул его обратно в кобуру.

Снова послышался голос Биргит, и опять зашипела кошка. Качнувшийся фонарь выхватил ее изогнутую спину, и Лефлер заметил, что кошка шипит не на него.

«Может, видит другую кошку или слишком большую для ее зубов крысу?» – предположил он, уходя прочь.

Вскоре Рино достиг угла недостроенного ресторана и осторожно из-за него выглянул.

Пьезо Бах стоял к нему спиной и говорил дрожащим от возбуждения голосом:

– Ну же, крошка, не ломайся! Ты хочешь попасть в театр или нет? Только не говори мне, что ни разу этого не делала, – это не твоя роль, я же вижу...

«Если она скажет «нет», я имею полное право выйти из-за угла и выбить ему оставшиеся зубы...» – решил Лефлер, и от этой мысли ему стало хорошо.

– Но я так не хочу!.. – воскликнула Биргит и попыталась встать.

Бах хотел ее удержать, но неожиданно девушка громко закричала, увидев что-то за спиной старого Пьезо.

Первой мыслью Лефлера была досада, что его все же заметили. Он резко присел и спрятался за угол. И в эту секунду прямо над его головой что-то врезалось в стену. Звук был тяжелый, но какой-то мокрый, будто о бетон разбилась порция фруктового желе.

Лефлер моментально выхватил пистолет и, увидев мелькнувший в темноте силуэт, выстрелил.

Биргит снова дико завопила. В воздухе прошелестел еще один невидимый снаряд, и мокрый шлепок наступил Баха. Его короткий вскрик был похож на бляение козла, а затем все стихло.

Неожиданно погасли все фонари, и стройка погрузилась во мрак. Самое время было связаться с участком и вызвать подкрепление, но Лефлер чувствовал – опасность где-то рядом и, стоило себя обнаружить, он пропал.

Рино осторожно выглянул из-за угла, но увидел лишь неясные тени. Скорее всего, это были похитители, и следовало стрелять, но где-то там могла быть и Биргит.

Осмотревшись еще раз, Рино сделал шаг, другой, а затем прокрался до первого оконного проема и как можно тише соскользнул внутрь здания. К счастью, пол был уже настелен и ноги Рино остались невредимы.

От удара о бетонные плиты возник громкий, разнесшийся эхом звук. Где-то рядом послышался шорох, и Лефлеру показалось, что это Биргит. Ему хотелось думать, что она спаслась и тоже прячется в здании.

Осторожно выбирая место, куда можно поставить ногу, Рино прошел вдоль стены и оказался в следующей комнате.

Почти сразу он определил, что в углу, за штабелем отделочных материалов, кто-то прятался. Лефлер уловил приглушенный вскрик и теперь был уверен, что это Биргит.

Чтобы не издавать ни звука, он старался дышать ртом. По лбу и вискам стекали капли холодного пота, однако Рино не обращал на это внимания и лишь перекладывал «байлот» из руки в руку, когда ладонь намокала, так что пистолет едва не выскользнул.

Наконец слева от себя Рино заметил слабое движение. Размытый в почти абсолютной темноте силуэт замер, и Лефлер понял, что враг целится. В Биргит или в него – выяснять было некогда, и Рино открыл огонь.

Он сделал четыре выстрела с расстояния в пять–шесть метров и мог гарантировать, что все пули легли в цель. Тем не менее раненый убежал на своих ногах, однако свалил стопку керамических плиток, которые рассыпались с жутким грохотом.

«Вот так!» – мысленно восторжествовал Рино, и в эту секунду рядом с ним шлепнулась о стену какая-то гадость.

В лицо пахнуло едкими парами, и сознание Рино поплыло. Он попросту грохнулся на пол, однако чудовищным усилием воли оставался в размытом сознании и каком-то обостренном понимании окружающего мира.

Страх ушел, в руках был верный «байлот». И едва появился еще один враг – Лефлер выстрелил ему в голову. Однако и этот несчастный убежал и упал уже где-то дальше, видимо, на руки своих товарищей.

Непостижимым образом Лефлер четко представил всю схему облавы и почти наверняка знал, откуда попытаются на него напасть в следующую минуту. Однако реакция подвела, и чья-то тяжелая масса крепко припечатала его к полу, да так, что Рино почувствовал, как трещат ребра.

«Теперь точно хана», – отстраненно подумал он, чувствуя, как чужие крепкие объятия пеленают его все сильнее.

В самый последний момент, когда двигаться мог только палец на спусковом крючке, Лефлер решил хотя бы поднять побольше шуму и принялся методично расстреливать остатки боекомплекта.

Пули ударили в стены, сдирали с пола щепу, но это был только жест упрямого отчаяния. Все усилия были бы тщетны, если бы не пара огромных бочек с горючим растворителем.

Глухой удар, а затем сильный взрыв потряс здание, и огнедышащая стихия пронеслась по всем коридорам, выбивая новые двери и срывая наживленную отделку.

Парня, который держал Рино, в одно мгновение отбросило в сторону, а Лефлер, воспользовавшись случаем, вскочил и, разбежавшись, выпрыгнул в окно за секунду до того, как взорвалась вторая бочка.

18

Давненько в городе не было таких пожаров. Очень давно. Пламя ревело и пожирало все подряд, раскаляя металл и делая его податливым, как сырая глина.

Люди в блестящих касках смело подбирались к стихии и спорили с ней, забрасывая языки пламени копьями белой пены. Однако пожар успешно отбивался, пока не кончились все взрывчатые химикаты. Затем он захирел, стал отступать и вскоре издох, наполнив окружающее пространство зловонием неблагородного пластика.

В прошлые годы на пожар сбегались сотни зевак, но теперь наступили другие времена и гулять без основательных на то причин никто не решался.

Кроме десятка бесстрашных зрителей и нескольких расчетов, прибывших на пожарных машинах, приехали два полицейских автомобиля из западного участка. Однако с ними Рино не желал иметь никаких дел и отправился на площадь.

Выйдя на освещенное место, он обнаружил, что выглядит как законченный оборванец. Его куртка висела клочьями, брюки были прожжены в нескольких местах, а вся правая сторона лица оказалась залитой кровью, которая сочилась из рассеченного лба.

Редкие прохожие с опаской косились на Рино, а тот тупо шагал через площадь, решив наконец идти домой.

Неожиданно он увидел Биргит. Целую и невредимую, если не считать порванных на коленках чулок. Девушка пыталась поймать хоть какой-то транспорт, из чего следовало, что теперь идти домой в одиночку ей не хотелось.

Вспомнив, что у него есть передатчик, Рино достал его и на всякий случай отвернулся от Биргит, хотя в данный момент его не узнали бы и собственные родители.

– Дежурный восточного участка слушает, – отозвалась Ольга Герцен. Все копы в участке считали ее лесбиянкой, однако Ольга по непонятным причинам оказывала Рино особое внимание.

– Привет, Оля, – поздоровался Лефлер.

– лейтенант, ты, что ли? Я тебя не узнала. Пьяный, что ли?

– Скорее живой, чем пьяный. Ты не могла бы прислать сюда наряд, чтобы они забрали проститутку.

– Проститутку? С каких это пор ты выслеживаешь проституток в свободное от службы время?

– Так пришлешь или нет?

– Ну... пришлю.

– Не «ну», а присылай немедленно. И еще труповозку.

– А это зачем?

– В Рич-Айленде труп Молотобойца.

– Труп Молотобойца?! – не особенно веря услышанному, переспросила Ольга.

– Да, радость моя. И побыстрее, а то западники его утащат и тогда ни за что не доказать, что это наша заслуга...

– Ну, Рино, ты просто какой-то Санта-Клаус, – произнесла Ольга. И Лефлер представил, как она качает головой. – Сейчас пригоню все, что ты запросил, – подожди пару минут...

Лефлер спрятал передатчик в карман и осторожно обернулся. Биргит все так же стояла на краю проезжей части и, как показалось Рино, плакала.

На какое-то время он даже забыл о своих ушибах. Ему хотелось подойти и успокоить девушку, но... за него это должны были сделать другие полицейские.

Вскоре патрульная машина притормозила возле Лефлера, и высунувшийся из окна капрал Сивоха спросил:

– Кого брать-то?
– Вон ту девушку.
– Что-то она не похожа на уличную девку, – с сомнением заметил капрал.
– Она не девка. Просто мне хочется, чтобы она дожила до утра. Поместите ее в отдельную камеру и дайте возможность позвонить домой. Кажется, у нее есть родители.
– Сделаем, сэр. Сами-то как?
– Я в порядке.
– Ну-ну, – кивнул капрал и медленно тронул машину. Он проехал еще пару десятков метров и остановился возле Биргит.

Сивоха вышел из кабины, и его напарник, Фидо Койтер, присоединился к нему.

Рино наблюдал, как они, в полном соответствии с инструкциями, представились девушке, а затем высказали мнение, что имеет смысл отвезти ее в отделение, для выяснения личности.

Биргит согласилась сразу. Было видно, что она готова признаться в десятке преступлений, лишь бы не оставаться ночью на пустынной площади.

Едва патруль уехал, со стороны центра показался мрачный фургон из похоронного бюро «Гордон и сын», согласно договору приписанный к полицейскому участку.

Поскольку Биргит уже уехала, Рино взмахнул рукой, привлекая к себе внимание.

Фургон притормозил, и выглянувший в окно санитар произнес:

– Добрый вечер, сэр. Должен вам заметить, что у вас вид без пяти минут нашего клиента.

– Благодарю вас. Вы очень наблюдательны, – отозвался Рино и, обойдя машину, забрался в кабину с другой стороны, потеснив сидевшего там второго санитар.

Увидев, в каком состоянии находится лицо полицейского, санитар достал из сумки пузырек со спиртом и ватный тампон.

– Если вы позволите, господин офицер, я вас немного обработаю.

– Надеюсь, это не формалин? – уточнил Лефлер.

– Нет, сэр. До формалина вы не дотянули совсем немного.

– Клиент в Рич-Айленде? – спросил тот, что был за рулем.

– Да. Когда мы расставались, он обещал никуда не уходить.

Водитель круто повернул руль, и фургон, переехав через тротуар, покатил по пешеходной зоне, в глубь неосвещенного района, застроенного частными домами.

Автомобильные фары выхватывали закрытые ставнями окна, ограды с отточенными шпильками и тонкую вязь из паутинок охранных систем.

– Хорошо устроились, сволочи, – высказал свое мнение водитель.

– Здесь! – скомандовал Рино и тут же зашипел: – Ус-с-с!.. О-о-о!..

– А что делать? Спирт, он всегда жжет, даже когда его пьешь. Зато никакая зараза не удержится, и рана быстро заживет.

– Сы-па-си-ба... – с чувством произнес Лефлер, зажмурившись изо всех сил, чтобы вытерпеть жжение.

19

Врач Энтони Зигфрид, имевший неплохую практику в северо-западной части города, уже собирался ложиться спать, когда в его дверь на первом этаже громко постучали.

– Что за свинство, Зиг? – недовольно спросила его жена. – Пойди разберись с этими нахалами и не забудь взять двойную плату – ведь уже так поздно.

– Извини, дорогая, спи. Я пойду их успокою.

Накинув куртку поверх пижамы, доктор Зигфрид спустился на первый этаж, где под сильными ударами сотрясалась входная дверь.

– Иду-иду, господа! Не нужно так стучать!..

Доктор Зигфрид подошел к двери и, взглянув в глазок, увидел освещенный фонарем знак, который предъявляли ему ночные визитеры. Против такой силы не устоял бы никто, и Зигфрид не был исключением. Он немедленно отпер все засовы и распахнул дверь.

– Пожалуйте, господа, я к вашим услугам!.. – голос доктора дрогнул.

В его гостиную ввалились семеро огромных парней, и двое из них держали под руки восьмого, который истекал кровью.

– Вообще-то в таком состоянии его лучше в больницу... – робко заметил Зигфрид.

– Боюсь, на это у нас нет времени, доктор, – сказал один из агентов. – Постарайтесь сделать все возможное, пока подъедет «Скорая помощь».

– Конечно, господа, в таком случае следуйте за мной в кабинет, – предложил Энтони Зигфрид, мгновенно настроившись на рабочий лад.

С одной стороны, ему было страшно, но с другой – он был рад возможности освежить свои подлинно хирургические ощущения. Два-три фурункула в неделю, которые ему приходилось вскрывать, не в счет, поскольку масштаб был совершенно другой.

Ночные посетители сгрудились в небольшой операционной, однако Зигфрид, надев халат и вымыв руки, потребовал удалить всех посторонних.

Широкоплечие агенты посмотрели на своего командира, и тот кивнул, подтверждая, что следует подчиниться. Сам же он остался рядом с доктором.

Тем временем Энтони вооружился своими специальными инструментами и окинул взглядом большое тело, едва уместившееся на стандартного размера топчане.

Фронт работ был обширный. Легкая броневая сетка была пробита во многих местах, и помимо пулевых ранений несчастный получил несколько повреждений осколками рваного металла. Некоторые из них еще торчали из брюшины, и доктор пошевелил бровями, прикидывая тяжесть внутренних повреждений.

Однако, когда Энтони Зигфрид начал работать, он совсем позабыл все свои страхи и сомнения, поскольку делал привычную и любимую работу.

Распоров броню, сняв ключья обмундирования и вскрыв кожные покровы, он остановился и, повернувшись к старшему, сказал:

– Но это же саваттер...

– Разве? – удивленно переспросил тот.

– Ну да. Я проходил практику в военном госпитале и хорошо знаком с их строением.

– Сейчас я не могу вам объяснить всего, доктор. Так что будем считать, что это обычный человек – как вы и как я. Хорошо?..

– Да, конечно, – согласился Зигфрид и с головой погрузился в работу, подальше от своих сомнений.

Щелкали алмазные щипцы, шипел, набираясь силы, пневматический дырокол, потрескивал аппарат лазерной сварки, и дело шло на лад. Куски железа с рваными краями падали

в никелированный таз, а перепачканные инструменты тонули на дне емкости с дезинфицирующей жидкостью.

Наконец был наложен последний шов, и длинный кусок пластыря закрыл обработанную рану.

– Ну... теперь все... – устало произнес Зигфрид, стаскивая перчатки и бросая их в ванночку для отходов.

– Все? Вы уверены? – переспросил старший.

– Да, эта животина не околует, он крепок, как танк.

– Спасибо вам, доктор. Не знаю, что бы мы делали, если бы не вы.

С этими словами командир группы поднял пистолет и выстрелил в голову доктору Зигфриду. Тот всплеснул руками и отлетел к стене, сбивая столики, шкафчики и дорогие приборы, которые сыпались на пол осколками стекла и мелкими блестящими деталями.

20

Супругов Розенфельд привезли на рассвете, а взяли ночью, чтобы было страшнее.

Именно поэтому Лойдус пришел на службу к восьми часам утра, а должен был только к девяти.

Волнения и торжественности добавлял новенький голубой мундир следователя, в котором Гансу предстояло допрашивать красивую женщину.

Лейла даже приснилась ему в эту ночь в долгом эротическом сне. Ощущения были как наяву, и, даже проснувшись, Лойдус долго не мог понять, где же реальность – здесь, где нужно идти на службу, или там – где не было нужды думать ни о чем, кроме...

Одним словом, когда Хорст Эви зашел в комнату в половине девятого, Лойдус уже сидел за своим, недавно освоенным столом.

– О, Ганс!.. Ты чего так рано?

– А ты?

– У меня секретное задание, – таинственно произнес Хорст и аккуратно поставил на свой стол небольшую картонную коробку.

– Что за задание? – заинтересовался Лойдус.

– О, парень, задание называется просто: служебный подлог.

– Ничего себе!..

– А ты думал. Закон нужно не только всемерно поддерживать, но и по возможности аккуратно обходить.

– И что же ты сделаешь, выпустишь шпиона по подложным бумагам? – серьезно спросил Лойдус, напряженно соображая, стоит ли немедленно сообщить дежурному.

– Шпиона? – Хорст наморщил лоб. – А ты это здорово придумал. Осталось только найти дураков, которые оплатят этот фокус. Ты сам платить будешь?..

– А-а, так ты издеваешься, – догадался Лойдус.

– Ну вот еще. Я совершенно серьезно. Если бы кто-нибудь заплатил мне, я бы выпустил всех шпионов, которые содержатся в подвалах управления. Но тут есть еще одна трудность...

– Какая?

– А нет у нас шпионов подходящих, в основном они липовые. О настоящих только мечтать можно, – со вздохом произнес Хорст и продекламировал: – *...Не счесть шпионов в каменных подвалах...*

– Тогда в чем же подлог?

– В кружке господина долбаного старшего следователя.

– Ты купил ему новую кружку? – догадался Лойдус.

– Купил, но не ему.

С этими словами Хорст открыл коробку и поставил на стол довольно красивую фарфоровую чашку.

– Ух ты!.. – восхитился Лойдус. – Что это на ней нарисовано? Птица?

– Птица, – кивнул Хорст. – Розовый фламинго, как говорится, дитя заката.

– Обалдеть можно...

– Можно и обалдеть, но только цвет немного другой.

– А при чем же здесь подлог? Кулхард наверняка обрадуется.

– Ну ты даешь – Кулхард обрадуется, – невесело усмехнулся Хорст Эви. – Ты его совсем не знаешь, парень. Шеф может тебе улыбаться, а сам так аккуратно твои яйца под дверь пристроит да ка-ак хлопнет.

– Страшная картина, – заметил Лойдус.

– Страшнее не бывает, – согласился Хорст и, порывшись в своем портфеле, достал связку ключей и маленький ломик.

– Зачем это? – снова спросил Лойдус.

– А комнату для хранения вещдоков кто тебе откроет, добрый дядя?

– Понятно.

– Хорошо, что понятно. Надеюсь, ты меня не заложишь, а то пойдем по групповой статье.

– Как по групповой?! – воскликнул Лойдус и затравленно посмотрел на Хорста.

– Так ты же все знал, а начальству не доложил.

– Но ведь господина старшего следователя еще нет!.. – пришел в отчаяние Лойдус.

– Вот так ты на суде и заявишь. Возможно, тебе поверят...

С этими словами Хорст собрал инструменты, взял чашку и вышел.

Ганс Лойдус остался один. Он взглянул на часы, которые показывали без четверти девять, и искренне пожелал Хорсту удачи. Идти по групповой статье ему не хотелось.

«Уж скорее бы на допрос», – подумал Лойдус, с ужасом ожидая, что вот-вот соберутся все сотрудники следственного отдела и Хорста непременно поймут на его преступной акции.

Стрелки настенных часов медленно ползли под усиженным мухами стеклом и, как казалось Гансу, отсчитывали последние минуты, которые он проводил на свободе.

Без пяти девять появился старший следователь Кулхард.

Махнув Лойдусу рукой, старший следователь странно скривил лицо и, сняв ботинок, бросил его на свой стол. Затем схватил бронзовый бюст президента Бовина и стал им бешено колотить ботинок.

Предстоящий первый в жизни допрос, отсутствие ушедшего на дело Хорста и явное помешательство старшего следователя – все это оказало на Лойдуса чудовищное воздействие.

«Этого просто не может быть – наверное, у меня бред», – определил Лойдус и незаметно для себя произнес вслух:

– Этого не может быть...

– Очень даже может, – возразил ему Кулхард. – Если ботинки сделаны дерьмово, то гвозди все время вылазят. Спасибо президенту Бовину, только он и помогает.

И Кулхард бережно поставил бюст на прежнее место.

– А где Хорст? Не приходил еще?..

«Вот он, этот вопрос. Вопрос из вопросов, – отрешенно подумал Лойдус. – Теперь как пить дать пойду по групповой статье».

– Ты чего молчишь? – снова спросил Кулхард.

– Я не молчу.

– К допросу готов?

– Да, сэр.

– Ну и не напрягайся, – по-своему истолковал Кулхард состояние младшего коллеги. – Во-первых, за дверью будет стоять охранник, а во-вторых, их будут заводить в наручниках. Да и алгоритм беседы совсем простой – бьешь по морде и все время повторяешь: «Куда дел маршрутизатор, сука...» – и снова бьешь. Потом моешь руки и идешь обедать. Нет ничего проще.

– Там будут муж и жена... Их двое.

В этот момент открылась дверь и вошел Хорст Эви. Карман его кителя оттягивала связка ключей, завернутый в газету ломик торчал из-за пояса, а драгоценную чашку шефа Хорст держал в руках.

– Заполучите свое корытце, сэр, и хлебайте, как прежде...

– Ты смотри!.. – обрадовался Кулхард. – Дитя заката!..

– Она самая, – улыбнулся Хорст, передавая возвращенное сокровище его хозяину.

– А себе чего взял?

– Часы водонепроницаемые, – честно признался Хорст и продемонстрировал обновку на своем запястье.

– Это вещдок по делу Проктора и Гэмбла, – сказал Кулхард, демонстрируя остроту своей памяти. – Двух голубых, подравшихся из-за третьего – их любовника...

– Точно, – согласился Эви и, посмотрев на циферблат своего трофея, сказал: – Ганс, ты на допрос успеваешь? Уже девять двенадцать.

– У меня в девять с четвертью.

– Тогда тебе пора идти. Ты уже решил, как будешь бабу раскалывать?

– Бабу ему не расколоть, – заметил Кулхард. – Если только мужика ее при ней не отдубасить. Но Гансу пока рано – он еще молодой.

– Тогда пусть трахает бабу, пока мужик не признается, – предложил Хорст, продолжая разглядывать обновку.

– Нет, – покачал головой Кулхард. – Боюсь, и здесь толку не будет.

– Так что же мне делать? – спросил Ганс, поднимаясь из-за стола. Ему уже действительно пора было идти.

– Пока бей поодиночке, а там видно будет.

21

Рыжий охранник заглянул в дверь и, увидев совсем еще зеленого следователя, ухмыльнулся.

– Ну что, господин следователь, вести арестованных? – спросил он, с интересом наблюдая за новичком.

– Ведите, да, ведите... То есть нет – ведите только одного!..

– Мужчину или женщину? – спросил рыжий, едва сдерживая улыбку.

– Э-э... – Лойдус наморщил лоб, делая вид, что думает. – Пожалуй, сначала женщину, – сказал он.

– Есть, сэр! – ответил охранник и вышел из камеры.

Потянулись минуты ожидания, в течение которых Лойдус пережил разные неприятности вроде повышенного потоотделения, шума в ушах и неуместной эрекции. Он несколько раз переключал с места на место новенькую папку, приготовленные листы бумаги и набор разноцветных авторучек.

Наконец дверь открылась и появилась она – Лейла.

– Все, можешь быть свободен! – сказал Лойдус, обращаясь к рыжему охраннику. Ганс старался выглядеть как можно важнее и суровее, однако волнение дало о себе знать, и его голос дал петуха.

– А наручники, господин следователь? Их снять? – спросил охранник.

– Перебьется, – грубо произнес Ганс.

Охранник пожал плечами и вышел, плотно притворив за собой дверь.

– Ну что, так и будем глазки строить?! – прикрикнул Лойдус.

Вид аккуратно одетой и красивой женщины приводил его в смущение. Он ожидал увидеть ее слегка растерзанной. По крайней мере, в фильмах с допросами арестованного всегда показывали с разбитым лицом и в разорванной на ленты одежде.

«А на самом деле все по-другому», – подумал Ганс и опять же частью из кино, а частью из прослушанного в полицейской школе курса вспомнил, что полезно прикидываться то злым, то добрым следователем.

– Садитесь, – став в одно мгновение добрым следователем, разрешил Лойдус.

Лейла молча опустила на стул, и юбка обтянула ее красивые бедра.

– Курите, – предложил Лойдус, достав из ящика заготовленную пачку сигарет «Убийца».

– Спасибо, я не курю, – отозвалась Лейла низким чувственным голосом. – К тому же на мне наручники.

– Да, я помню, – кивнул Лойдус и, открыв пустую папку, спросил: – Вы понимаете, что над вами висит обвинение в государственной измене, миссис Розенфельд?

– Нет, этого я не знаю, – отрицательно покачала головой арестованная, и в ее глазах Лойдус приметил испуг.

«Бойтесь, это хорошо», – подумал он, затем откашлялся и задал следующий вопрос:

– Скажите, куда вы спрятали маршрутизатор, который вам передал враг?

– Какой враг? – Красивые брови Лейлы удивленно изогнулись, и Лойдус вдруг засомневался в виновности этой женщины. С другой стороны, старший следователь Кулхард предупредил его, что все женщины подлые сучки. А красивые – в особенности.

Собственный опыт общения со слабым полом у Ганса был небольшой, поэтому он доверял старшим товарищам.

– Саваттер, миссис Розенфельд. Тот самый парень, которого вы поили горячим чаем с миндальным печеньем.

– Я не поила его чаем, господин следователь!.. Он умер у нас в прихожей!..

– Ах вот как? И ничего не сказал на прощание?

– Нет, ничего, – соврала Лейла, хотя отлично помнила каждое слово ночного гостя и даже последнее выражение его глаз.

«Это важно для вас... Иначе вам грозит опасность...» – сказал он и умер, передав Лейле эту маленькую штучку, которую полицейские называли «маршрутизатором».

Сама не зная почему, Лейла сразу поверила пришельцу и решила не отдавать маршрутизатор, даже если ей придется умереть. Убеждение в своей правоте происходило у Лейлы из всеобщего ощущения страха и опасности, которая незримо присутствовала где-то рядом.

Пропадали люди, полицейские становились злее и многочисленнее, а кроме них появлялись мрачные субъекты богатырской наружности. Это были агенты ЕСО. Они старались вообще не разговаривать с жителями долины и все передавали только через полицейских.

Вот и в тот день, как только народные шерифы убрались после обыска, появились пятеро огромных людей – очень похожих на умершего ночного гостя. С ними были две собаки, животные под стать своим хозяевам – такие же большие, черные и молчаливые. И по тому, как натягивались стальные цепи и вздувались мышцы на теле собак, было ясно, как им хотелось перемахнуть через забор и по-настоящему заняться хозяевами хутора.

А Лейла и Майбо следили за непрошеными гостями в щель между оконными ставнями.

Агенты постояли возле ворот и, не сказав друг другу ни слова, отправились по своим собственным следам обратно, в сторону гор.

– Ну, – сказал тогда Майбо, – думаю, это еще не все. Они еще к нам наведаются.

И муж оказался прав. Через два дня за ними приехали полицейские. Никаких вещей брать не разрешили, правда, не запретили позвонить брату Майбо, Луи, чтобы он присмотрел за обширным хозяйством Майбо.

Внезапно поток мыслей Лейлы был прерван яркой вспышкой, которая ослепила ее. Оказалось, что следователь ударил ее по лицу. Неделок, зеленый прыщавый юнец!

– Я тебе покажу, с-сука, как запирается!.. – закричал он и ударил еще раз.

Во рту Лейла почувствовала вкус крови. В сознании пронеслись воспоминания из далекого детства, когда она, будучи десятилетней девочкой, подралась с мальчишкой по имени Боби Файлер. Тогда она здорово расцарапала Боби физиономию, а он разбил ей губы. Ощущения были те же.

– Говори, где маршрутизатор?! Где?! – кричал следователь и бил ее наотмашь по лицу, и голова Лейлы болталась из стороны в сторону.

22

Взметая облака снежной пыли, вертолет поднялся в воздух, качнул брюхом и пошел в сторону базы, оставив бойцов на заснеженной земле.

На этот раз группа высадилась в усеченном виде. Только командир Буджолд и с ним четверо агентов, включая Эйдо. Все остальные были заняты на патрулировании, заготовке и сопровождении грузов.

– Итак, ставлю задачу, – произнес Буджолд, когда шум вертолета затих вдали. – До нас здесь проходили четыре раза и все четыре раза фиксировали какой-то блуждающий сигнал. Возможно, аномалия, а возможно, тот самый маршрутизатор, который нам найти просто необходимо, в противном случае штат ЕСО на Туссено нужно будет увеличивать на треть, а этого мы себе пока позволить не можем... Вопросы?..

Буджолд посмотрел на своих людей, теперь уже без слов прося их приложить все усилия, чтобы найти маршрут-рутизатор. Он знал, что и без этого митинга его агенты сделают все возможное, но момент был действительно важный, и командир не удержался от напутственных слов.

– Ну, тогда пошли. Эйдо и Гонатар первыми, а мы втроем пойдем за ними.

Группа построилась. Эйдо достал пеленгатор и, поплевав для удачи на палец, включил питание.

Стрелка слабо колыхнулась вправо, но затем вернулась на прежнее место. Эйдо сделал шаг-другой, а затем пошел быстрее, всем своим существом чувствуя мерное покачивание стрелки: пока что она не думала указывать на спрятанный под снегом злополучный маяк.

Вскоре Эйдо догнал Гонатар. Он шел чуть правее и тоже не отводил взгляда от стрелки своего пеленгатора.

Тропа поднималась в гору, и намерзшая на ней корка льда проскальзывала под шипованными ботинками, норовя сбросить агентов ЕСО обратно, к подножию горы.

Через полчаса трудного подъема группа оказалась на срезанной вершине, по которой, пропадая в наметенной поземке, тянулась цепочка старых следов, оставленных прошлыми командами и их собаками.

Эйдо остановился и, отерев со лба пот, оглянулся. Буджолд с двумя агентами отстали метров на сорок. Они только-только выбирались на наибольшую плоскость, где можно было стоять в полный рост, не рискуя сорваться на ледяном склоне.

Гонатар, шедший параллельным с Эйдо курсом, также остановился и, зачерпнув горсть колючего снега, потер свое раскрасневшееся лицо.

– Хоть немного приду в себя, – пояснил он. – А то мне уже стало казаться, что стрелка двигается.

– Ага, – рассеянно подтвердил Эйдо и посмотрел вперед, на извилистый горный хребет, тянувшийся на добрый десяток километров. Группе было необходимо пройти по нему, спуститься в долину и протопать еще несколько километров до первого хутора, где нашли труп саваттера.

Возможно, маршрутизатор спрятан хозяевами. Если закопать его на пару метров под землю, то никакой пеленгатор уже не учует, однако тогда и саваттеры не смогут навестись на него.

«А что, если он бросил пеленгатор здесь намеренно?» – подумал Эйдо.

В это время подошли Буджолд, Ловейд и Бойланд.

– Фу-у!.. Запарился! – признался командир, расстегивая утепленный шлем. – И все же, ребята, какая кругом красота....

Эйдо удивленно посмотрел на Буджолда и огляделся. Действительно, припорошенные снегом горы, пожухлая трава на холмах долины и в низинах пробуждали в душе чувство волнения и даже гордости.

«Родина, ничего не поделаешь», – пронеслось в голове Эйдо, однако он тут же вернулся к промелькнувшей у него догадке:

– Сэр, а что, если саваттер выбросил маршрутизатор и тот скатился вниз по склону...

– Тогда бы его нашли с помощью «слухачей», установленных на вертолетах. Они летали вдоль этих склонов очень низко.

– Понятно, – кивнул Эйдо, продолжая думать и взвешивать все варианты. – А если бы маршрутизатор докатился до самого основания горы, могли тогда «слухачи» пройти мимо?

– В принципе могли, – пожал плечами Буджолд. – Но сам видишь, склоны изрыты, загромождены скальными обломками. Ты к чему клонишь?

– Вон там, дальше, я вижу небольшое снежное русло. Нужно подойти ближе и посмотреть, если оно не прерывается, то саваттер мог бросить маршрутизатор именно туда.

– Ну-ка. – Буджолд достал бинокль и с минуту рассматривал небольшую канавку, извиляющуюся змейкой и аккуратно огибающую валуны и оголенные кусты.

– Знаешь, если мы там что-то найдем, я выставлю тебе литр белой питы... – пообещал Буджолд и, обращаясь ко всем, коротко бросил: – Вперед.

И агенты пошли дальше, внимательно следя за стрелками пеленгаторов, хотя им не терпелось помчаться к этому снежному ручейку, чтобы проверить догадку Эйдо.

Наконец группа достигла места, откуда хорошо было видно, что заснеженное русло беспрепятственно спускалось до самого основания горы.

– Вполне может быть, – кивнув, произнес Буджолд. – Саваттеры ребята не подарок. От них жди любых фокусов.

В это время с самой высокой вершины – пика Лошади, ревя стартовыми двигателями, взлетела зенитная ракета. Следом за ней, для страховки результата, пошла вторая.

Подняв головы к небу, агенты замерли, глядя туда, где за рваными клочьями сероватых облаков скрылись ракеты. Прошло еще несколько томительных секунд, а затем один за другим донеслись громовые раскаты – ракеты преодолели звуковой барьер.

И снова ожидание. Казалось, никто из группы даже не дышал, гадая, прорвется ли на планету новый саваттер или ракеты сожгут его еще в атмосфере.

Наконец сверкнула яркая вспышка, затем вторая, и все пятеро громко закричали «ура!».

– Возможно, эта сволочь и наводилась по этому новому маршрутизатору, – высказал предположение Ловейд.

– Да, – согласился Буджолд. – Нужно скорее достать его.

Вдруг откуда-то сверху донесся шипящий свист, и все пятеро снова подняли головы.

Кувыркаясь в воздухе и разбрасывая искры, обломки летательного аппарата саваттера стремительно неслись к земле. Они распались на небольшие куски, которые воспламенялись еще ярче и сгорали почти дотла.

– Вот это хорошая работа, – сказал Буджолд. – И никаких тебе маршрутизаторов.

23

Уже во второй раз арестованная потеряла сознание и даже упала со стула. Ее юбка задралась, и Лойдус в немом восхищении созерцал оголившиеся ноги.

Мелькнула мысль немедленно воспользоваться подвернувшимся случаем, но Ганс помнил, что старший следователь Кулхард советовал делать это при ее муже – чтобы тот раскололся. А получать удовольствие в одиночку, без пользы для дела – Лойдус считал, что это непрофессионально. Вернее, он хотел так думать, но думалось ему все-таки иначе.

Присев рядом с распластанным и оттого кажущимся доступным телом, Лойдус погладил ноги миссис Розенфельд, и его ладони моментально сделались влажными от пота.

Огненное желание стало затоплять разум, и Лойдус, путаясь в юбке, сделал попытку раздеть свою жертву. Каково же было его удивление, когда он заметил, что женщина пришла в себя и смотрит на него в упор – спокойно и вместе с тем угрожающе.

Оттого, что ее лицо было разбито в кровь, этот взгляд казался особенно страшным.

– Э-э-э... Поднимайтесь, миссис Розенфельд... – произнес Ганс, помогая арестованной встать.

В это время раздался стук в дверь, и появился охранник. Не застав следователя в ситуации, в которой надеялся застать, рыжий удивился и даже забыл, зачем пришел.

– Чего тебе? – строго спросил Ганс, выплескивая на охранника свою обиду и бессилие.

– А-а... Это... Сообщение пришло, что маршрутизатор нашли в горах, так что эта баба вроде как ни при чем.

– Да я и без тебя знаю, что ни при чем!.. – неожиданно даже для самого себя заорал Ганс. – Я, по-твоему, следователь или дурак?!

– Не знаю, сэр. Честное слово, не знаю... – ответил перепуганный охранник.

– Сними с нее наручники. Уж будь уверен, если бы она была при чем, я бы ее уже давно расколол.

– Да, сэр.

Охранник торопливо снял наручники и даже достал из кармана чистый носовой платок. Он протянул его Лейле и сказал:

– Вот, миссис, пожалуйста.

– Можешь идти, – разрешил ему Ганс, – и захвати миссис Розенфельд. Насколько я понимаю, ей с мужем сейчас же выпишут пропуск.

– Конечно, сэр.

Поняв, что может идти, женщина поднялась со стула. Вопреки опасениям Ганса, она на него даже не смотрела.

Следом за охранником Лейла покинула комнату для допросов и пошла по коридору, видя перед собой спину рыжего конвоира. То, что Лейлу отпустили, было явным признанием ее невиновности. Но женщина все еще никак не могла понять, почему, когда она уже смирилась со всеми унижениями и даже приготовилась к нелегкой смерти, все вдруг прекратилось.

Какой такой второй маршрутизатор нашли в горах? Она прекрасно знала, что этот прибор был спрятан в подвале ее дома.

Впереди открылась боковая дверь, и в коридор вывели узника, только отдаленно напоминавшего человека. Новые кровоточащие раны зияли на старых рубцах – видимо, это был один из долгожителей подземелья.

Несчастный поднял взор, и их с Лейлой взгляды встретились. И оба они поняли, что существует некая правда, связывающая их обоих и, наверное, еще десятки или сотни людей по всей Туссено.

Наконец, поднявшись по нескольким лестничным пролетам, Лейла оказалась в небольшом холле, где ее ждал муж. Оттого, что его выпустили из узилища, Майбо выглядел радостным, однако вид избитой Лейлы вызвал у него легкий шок.

– Но главное, что мы живы!.. Ведь так, дорогая? – сказал он, когда немного пришел в себя.

Лейла молча кивнула и, остановившись, посмотрела на показавшегося знакомым полицейского, который покручивал на пальце ключ зажигания.

– Ну что, поедem домой, миссис Розенфельд? – спросил он.

– Да, – сказала она, разлепив разбитые губы, – поедem...

24

Будильник зазвенел в тот момент, когда Рино наконец полностью успокоился и вступил в ту фазу сна, которая несла забвение и полное обновление организма. Иначе и быть не могло. Все хорошее в жизни должно было немедленно прерваться, чтобы у человека не возникало никаких иллюзий.

– Я отказываюсь просыпаться, ты – сволочь!.. – выкрикнул разбуженный Рино, споря со здравым смыслом. – Я все еще сплю и не желаю слышать никаких будильников!.. – добавил он.

Однако дурной побудочный механизм продолжал трезвонить, а после пятой серии трелей включил вибратор.

Тумбочка, на которой стоял будильник, загудела так, будто на ней вскрывали дорожное покрытие. Грохот был ужасающим, и Рино спрятался под подушку. Он был полон решимости ждать, пока не сядут батарейки ненавистного прибора, однако развязка наступила раньше.

Вибрация вызвала скольжение коварного механизма, и будильник, проехав сантиметров тридцать, грохнулся на пол, мгновенно потеряв свой голос и развалившись на части.

– А говорили, что с защитой от ударов!.. – возмутился Рино, отбрасывая в сторону подушку.

Заглянув под кровать, он увидел останки несчастного и сказал:

– Призову гадов к ответу...

Встав с кровати, Рино отправился в ванную комнату, где безо всякого удовольствия принял неизбежные водные процедуры.

Слегка посвежевший, Лефлер вернулся в спальню и набросил на постель мятое покрывало. Кое-как расправив складки и поддав подушке кулаком, он проследовал на кухню, чтобы проглотить что-нибудь съедобное. Есть ему совершенно не хотелось, но привычка завтракать была накрепко привита ему мамой с самого детства.

«Завтракай всегда, Рино, ибо завтрак есть самое интимное принятие пищи, а потому самое полезное для организма», – говорила она, пичкая сына полезными для здоровья продуктами.

И в общем-то мама была права, поскольку после завтрака весь график приема пищи у Рино сдвигался в разные стороны по самым непредсказуемым причинам.

То он выезжал на очередной труп, то торопился с окончанием отчета, то, случалось, делил с патологоанатомом сдобренное укропом рагу – причем безо всякого удовольствия.

Одним словом, назидание мамочки подтверждалось и оправдывалось почти каждый день, за исключением тех случаев, когда в доме Рино ночевали женщины с серьезными намерениями.

Едва покончив с сексом, они тут же мчались на кухню, дабы закрепить успех на пути к сердцу полицейского офицера. Однако Лефлер четко разделял постель и кухонную утварь и потому до сих пор принадлежал к холостяцкому сословию.

Покончив с завтраком, состоявшим из омлета и крабового бифштекса, он свалил посуду в мойку и пошел одеваться, а в восемь пятнадцать, как обычно, уже вышел из дома и, поубавшись солнечной погоде, сел в автомобиль.

Это было бензиновое чудовище, старый агрегат, заправлять который приходилось на окраине города. Только там еще продавали настоящий бензин.

Рино никто не трогал, пока экологическому состоянию Туссено не присвоили четвертый уровень нарушенности. После этого бензиновые двигатели были запрещены, и в качестве переходного периода был выбран срок в пять лет. И вот теперь, когда почти вся планета пересела на парогенераторные автомобили, только Рино и еще какое-то количество упрямых парней старательно прикрывали выхлопы своих коней, чтобы не попасться дорожной полиции.

«Итак, мистер Лефлер. Это уже в четвертый раз. Мы вынуждены увеличить штраф. Разве вы не знаете, что бензиновые двигатели запрещены?»

«Извините, инспектор, просто мой «паровик» внезапно вышел из строя, и пришлось взять эту колымагу – такова ситуация, войдите в мое положение».

Подобная сцена повторялась довольно часто, и Рино смирился с мыслью, что будет ездить на водороде, однако пока его старый конь по-прежнему бегал довольно резво.

Запарковав машину на служебной стоянке у отделения, поздоровавшись с двумя-тремя знакомыми, Лефлер вошел внутрь помещения.

Сменившаяся с дежурства Ольга Герцен попала к нему навстречу.

– Твоя цыпочка сидит в двадцать четвертой, – сказала она. – До завтрака трижды просилась пописать, видимо, волнуется.

– Спасибо за наблюдение. Я у тебя в долгу...

– Никаких долгов, Рино, просто устрой мне ночь любви.

Зная лесбийские наклонности Ольги, Рино спросил:

– А ты ничего не перепутал, дружище?

– Можешь мне не верить, но рядом с тобой я чувствую себя натуралкой, – призналась Ольга. – Кстати, у нас с тобой похожий вкус. Эта Дженни Ривер мне очень понравилась. Чудесная глупенькая куколка.

– Я рад, – вымученно улыбнулся Рино и с облегчением вздохнул, когда Ольга вышла.

«Еще не хватало связаться с лесбиянкой – то-то всему отделению радости будет», – подумал Лефлер и вошел на общую территорию, заставленную столами инспекторов.

«Дженни Ривер», – повторил он про себя, еще не решив, что лучше звучит – Дженни или Биргит.

– Привет, старина!.. – окликнул его Мозес, бывший напарник по опергруппе.

– Привет.

– Ну я посмотрел этого монстра! Ты просто Лоди Конфиттер какой-то!.. Замочить такого огромного парня!..

– Да, Рино, ты герой, – поддержал Мозеса Твинки Роджер, неофициальный враг Лефлера. – Хотя я и считаю тебя дерьмом, тут меня никто не разубедит, но удавить Молото-бойца его же цепью – это, парень, просто народные легенды, честное слово. Объявляю односторонний мораторий на оскорбления. Веришь мне?

– Нет, Твинки, – признался Рино. – Ни одному твоему слову.

– Правильно делаешь, – согласился Твинки. – Однако я правда поражен.

Так, раскланиваясь с коллегами, словно телезвезда, Рино добрался до своего стола и, не успев сесть на обшарпанный стул, заметил разнарядку на поиск пропавшего человека.

Разнарядка была подписана капитаном Хунгаром, а имя пропавшего было Рино знакомо – Пьезо Бах.

– Эй, Лефлер! Капитан приказал зайти к нему, когда ты появишься! – крикнул какой-то парень из архивного отдела, тащивший стопку запыленных папок.

– Спасибо, – ответил Рино и, поднявшись с места, направился в кабинет к начальству.

С капитаном Хунгаром лучше было поговорить сразу, чтобы не оттягивать это сомнительное удовольствие на предобеденное время.

– Звали, сэр? – спросил Лефлер, войдя в кабинет без стука.

– О, герой нашего времени!.. – отозвался Хунгар и, достав большую табакерку, вдохнул лошадиную порцию нюхательного табака.

Рино остановился и на всякий случай сделал шаг назад. Зачастую капитан, чихая, изрядно брызгал.

Хунгар громко чихнул, и его лысая голова тут же порозовела, как попка младенца.

– Ты бумагу видел? – спросил капитан, восстановив в носу безопасное равновесие.

- Да, сэр. Пропал какой-то Бах...
- Не какой-то, а тот самый, что трахал жену мэра и еще нескольких очень влиятельных баб...
- Я не по этой части, сэр, – попробовал отвертеться Рино.
- Мы все по этой части, сынок, и ты не исключение, – подвел черту капитан. – Этого мерзавца надо разыскать или вылетишь в отставку!..
- Я еще молодой.
- Значит, вылетишь молодым, с усеченной пенсией, – пообещал капитан.
- Его уже нет, сэр, – решив наконец сделать признание, сообщил Рино. – Совсем нет. Он пропал вчера вечером при пожаре в недостроенном ресторане.
- Это возле площади?
- Да, возле площади.
- А откуда ты знаешь?
- Ну... – Рино пожал плечами, чтобы выиграть время и представить все для себя лучшим образом.
- Тебе медаль причитается за поимку Молотобойца.
- Я его не ловил.
- Да я понимаю, – кивнул капитан и потер виски. – Но мы оформим сначала как поимку в результате настоящей умной операции, а потом попытка к побегу и выстрел конвойного.
- Так ведь отчет по вскрытию покажет, что никакого выстрела не было.
- Успокойся, Лефлер. – Капитан поднялся с кресла, подошел к сейфу и достал термос с огуречным рассолом. Открыв крышку, он сделал несколько жадных глотков, и запах укропа с черным перцем поплыл по кабинету. – Врачи прописали, – пояснил он, запирая сейф. – Говорят, для мысленной работы очень помогает.
- Да, – согласился Рино. Он и сам, случалось, прибегал к этому старому и проверенному способу, чтобы улучшить «мысленную работу».
- Никто этих отчетов не читает, – продолжил Хунгар. – Главное, что маньяк был, а теперь его нет, и это заслуга лейтенанта Лефлера, ерш его дери... Так что медаль тебе обеспечена... А что касается Баха, нужно оформить свидетельские показания, что этот деятель действительно пал жертвой похитителей. Сможешь?..
- В двадцать четвертой сидит девушка, которая была с Бахом в момент, когда все это случилось...
- Да ты что?! – не то удивился, не то обрадовался капитан. Он снова подошел к сейфу и, достав лекарство, пил, пока оно не закончилось.
- Щелкнув пальцем по опустошенному термосу, начальник отделения неожиданно сообщил:
- Из дорожной полиции звонили, что ты нарушаешь...
- Врут, сэр. Просто у меня тачка на бензине – жалко бросать, новая еще.
- Понятно, – кивнул Хунгар. – Предлагаю прямо сейчас вызвать свидетельницу из двадцать четвертой и снять с нее... показания. Ты не против?..
- Нет, сэр.
- Капитан нажал кнопку селектора и скомандовал:
- Ружинский!.. Шлюху из двадцать четвертой камеры ко мне в кабинет!..
- Сэр, я, конечно, приведу, – ответил Ружинский, – но хочу вас предупредить: эту девчонку доставили по просьбе Лефлера, и я подозреваю, что у него на нее свои планы... Вы же знаете, какой он дурак – может пристрелить запросто...
- Спасибо за предупреждение, Ружинский, но она нужна мне как свидетельница.
- Да? – искренне удивился Ружинский. – Ну извините, сэр, сейчас приведу.

– Вот видишь, люди тебя боятся, – кивнул капитан Хунгар на замолчавший селектор. – Они считают тебя психом...

– А вы, сэр?

– Ну... – Капитан пожал плечами и провел рукой по лысой голове. – Все мы если и не законченные психи, то прилагаем немало усилий, чтобы ими стать.

В дверь постучали.

– Входите, – разрешил капитан, садясь в свое начальническое кресло.

Первым появился Тео Ружинский, смиренный малый, который со всеми старался поддерживать хорошие отношения.

Увидев Лефлера, Тео был поражен, но быстро справился с собой, радушно улыбнулся и приветливо кивнул. Затем обратил внимание на капитана Хунгара.

– Я привел ее, сэр.

– Заводи.

Ружинский развернулся на месте и, кивнув в приоткрытую дверь, позвал:

– Мисс Ривер, прошу вас.

Девушка вошла в кабинет и поначалу не обратила внимания на Рино, поскольку тот стоял чуть в стороне. Лефлер же с большим интересом рассматривал Дженни, которая была еще красивее вблизи, хотя, конечно, казалась уже не столь романтической, как в освещенном окне своей комнаты.

Разорванные на коленях Дженни чулки были аккуратно зашиты, поскольку добрые тюремщики дали ей иголку с ниткой. Парочку царапин на лице заклеили пластырем, и оттого Дженни выглядела немного забавно.

– Прошу вас присесть, мисс Ривер, – любезно предложил Хунгар.

– Спасибо, – ответила девушка и в этот момент заметила Рино.

Мгновение в ее глазах было только любопытство, однако уже в следующий момент она издала дикий вопль и, бросившись к капитану Хунгару, спряталась за его спиной.

– Это он! Хватайте его! Это он чуть не задушил меня!!!

На этот крик, едва не выбив дверь кабинета, влетели два здоровенных патрульных. В руках они держали готовые к стрельбе пистолеты, но, увидев спокойное лицо капитана, смутились.

– Извините, сэр, мы думали, что-то случилось...

– Ничего, ребята. Спасибо, что вы начеку, – поблагодарил капитан, и патрульные ретировались.

– Умоляю вас, арестуйте его, иначе он меня окончательно задушит!.. – снова завизжала Дженни, вцепившись побелевшими пальцами в плечо Хунгара.

– Успокойтесь, мисс, он уже и так арестован, – сказал капитан, который редко терял контроль над ситуацией. – Рино, положи пистолет мне на стол...

– Но, сэр...

– Ты же слышал, что я сказал, – с нажимом произнес Хунгар и показал глазами на трясущуюся от страха девушку.

Лефлер достал пистолет, полицейский жетон и аккуратно положил на стол начальника.

– Я сказал, только пистолет, Рино.

Лефлер молча забрал жетон.

– Хорошо. Теперь садись в угол, а ты, Ружинский, стань рядом с ним и, если он попытается напасть на меня или на мисс Ривер, пристрели его.

– О да, сэр, – кивнул Ружинский и встал рядом с Лефлером.

– Итак, мисс Ривер, теперь, когда лейтенант Лефлер безоружен и под охраной, вы можете рассказать нам, как и когда он пытался вас задушить. Задушить, я не ошибся?

– Да, задушить, – с готовностью закивала Дженни.

– Где и когда это произошло? При каких обстоятельствах?.. Присядьте вот на этот стул, и, если вы не возражаете, я запишу ваши показания на магнитный носитель.

– Не возражаю... – покачала головой Дженни и, только опустившись на стул, сумела разжать пальцы, державшие плечо Хунгара.

Освободившись от захвата, капитан помассировал руку, затем попытался расправить помятый пиджак, но у него ничего не получилось.

– Что ж, слушаю вас, мисс Ривер.

– Он уже давно за мной следит, господин офицер.

– Называйте меня просто Марк.

– Спасибо, Марк. Так вот, я уже давно заметила, что он следит за мной прямо со двора.

– Со двора? – удивился Хунгар.

– Да, он подсматривал, как я переодевалась ко сну...

– Это так, Рино? – тут же спросил Хунгар.

Лефлер кивнул.

– Ну и как часто этот человек подсматривал за вами, мисс Ривер?

– Думаю, что последний месяц практически каждый вечер...

– Вам это было неприятно, мисс Ривер? – спросил многоопытный капитан Хунгер и достал из ящика стола пачку сигарет.

– Ну конечно, представьте, что за вами все время наблюдает какой-то... маньяк...

– Вы позволите мне закурить в вашем присутствии?

– Да, конечно, Марк, курите, – разрешила Дженни.

– А сами не желаете?

– Нет, я как-то не приучена. Сразу кашляю...

– Понятно. Ну что же было дальше?

– Мне было неприятно. – Тут Дженни пожалала плечами.

– Я не понял, мисс, вы сказали «неприятно» или вы сказали «приятно»? – как бы между прочим заметил Хунгар, все свое внимание сосредоточив на разгоравшемся огоньке сигареты.

– Ну, сначала было неприятно, – стала вспоминать девушка. – Но потом я взяла бинокль – у нас был старый бинокль моего отца – и стала рассматривать этого человека из темной комнаты... А он об этом даже и не догадывался.

Услышав это признание, Лефлер грустно усмехнулся и покачал головой.

– И он показался мне довольно симпатичным, – продолжала Дженни.

– И вы решили, что пусть пока подсматривает, правильно?.. – добавил капитан.

Девушка ничего не ответила и опять неопределенно пожалала плечами.

– Ну хорошо, а что было потом?..

– Вчера я пошла на свидание.

– С кем?

– С одним человеком. Думаю, что это сейчас не так важно.

– Допустим, что неважно, мисс. Пока... Продолжайте, пожалуйста. – Капитан выпустил к потолку целое облако дыма и осуждающе посмотрел на Лефлера. А тот продолжал сохранять спокойствие, выслушивая показания против самого себя.

– Ну, когда я вышла, этот человек увязался за мной. Я его не видела, но очень хорошо чувствовала.

– Чувствовали?

– Чувствовала, – подтвердила девушка. – Сначала ничего не происходило и я просто шла, а когда с Остин-Драйв свернула к домам богатых отшельников, то...

– Каких, простите, отшельников? – переспросил капитан.

– Ну это мы так еще в детстве прозвали людей, которые живут в районе с частными домами – там, перед площадью, в исторической части...

– Понял, – сказал капитан, продолжая пускать к потолку дымные кольца.

– И вот там, возле колючего кустарника, он стал меня душить...

– Именно этот джентльмен? – уточнил Хунгар.

– Да, Марк, думаю, это был он, – уже не слишком уверенно сказала Дженни. – Я его еще шарахнула разрядом из шокера. – Тут девушка непроизвольно хохотнула и добавила: – Он даже отключился.

– Что-нибудь еще помните?

– Нет. Помню только, что когда разрядила в него шокер, то вскочила и побежала.

– Понятно. – Капитан вдавил окурочку в пепельницу и яростно покрутил его, словно это был его самый заклятый враг. – Куда нанесли удар, милочка? – неожиданно спросил он.

– Кажется... – тут Дженни задумалась, – кажется, в спину. Да, точно, в спину. Он еще сидел на...

– Так-так, на чем он сидел, мисс Ривер?

– Ой, не помню, – призналась Дженни и, еще раз посмотрев на человека, которого она обвиняла, ощутила некое сожаление. Сожаление, что такой симпатичный парень оказался маньяком.

– Тогда, может быть, вы вспомните некоторые детали, – сказал Хунгар и, легко поднявшись с места, подошел к шкафу и достал оттуда вещдок, упакованный в полиэтиленовую пленку.

– Вот эта штука вам знакома, мисс Ривер? – спросил капитан, надвигаясь на нее и раскачивая висевший на блестящей цепи металлический шар с острыми шипами.

– Ой!.. – вскочила со своего места Дженни. – Помню! Точно, помню я эту штуку! Он хотел меня ею ударить!..

– Вот этот парень! Вы точно помните?! – наседал Хунгар.

В этот момент распахнулась дверь и появился Мозес, бывший напарник Рино.

– Чего тебе? – недовольно спросил капитан.

– Мокруха, сэр! Мокруха и похищение!..

– Закрой дверь и подожди десять минут! – рявкнул капитан и угрожающе качнул тяжелым орудием.

Мозес моментально ретировался.

– Что-то я совсем запутался, сэр, – неожиданно заявил Ружинский.

– Это совсем не удивительно, – ответил Хунгар и, бросив молот обратно в ящик шкафа, с грохотом его задвинул. Затем вернулся на свое место, закурил вторую сигарету и, выдохнув дым, сказал: – Итак, мисс Ривер, позвольте вам представить лейтенанта Рино Лефлера, человека, который спас вам жизнь, рискуя своей собственной. Он вступил в схватку с Молотобойцем – убийцей-маньяком, который угробил двенадцать женщин и семерых мужчин и всем им разнес головы той самой штукой, которую я вам только что продемонстрировал. Вы же приложили своего спасителя разрядом шокера, хотя, наверное, сделали это не намеренно, а по ошибке... Впрочем, лейтенант Лефлер нарушал закон, подсматривая за вами по вечерам, и за это вы вправе подать на него в суд... Правда, хочу вас предупредить, мисс Ривер, что выиграть этот процесс вам будет нелегко...

– Почему? – спросила Дженни. Она была смущена и растеряна.

– Потому что смотреть на красивых женщин – это вовсе не преступление, это обязанность всякого мужчины.

Дженни опустила глаза и покраснела. Ей было стыдно, что она обвинила своего спасителя да еще чуть не убила его шокером.

– Вот здорово!.. – восторженно воскликнул Ружинский, до которого наконец дошла суть дела.

– Помолчи, – сказал ему Хунгар. – Теперь перейдем ко второй части нашего увлекательного повествования.

Дженни вопросительно посмотрела на капитана.

– Какой части? – спросила она.

– Расскажите нам, мисс Ривер, что случилось с мистером Пьезо Бахом.

– Вам и это известно?! – воскликнула она и, всхлипнув, закрыла лицо руками.

– Нам все известно, – категорично заявил капитан, улыбнувшись внешне безмятежному Рино Лефлеру.

– Я ни в чем не виновата, мы только встретились, и он сразу потащил меня в гостиницу, а потом на какую-то стройку... – сбиваясь, заговорила девушка.

– Подождите, – остановил ее капитан. – Давайте все по порядку. На какую стройку и зачем?

– Мы встретились за театром – у запасного выхода, – всхлипывая, стала рассказывать Дженни. – Я надеялась, что мы пойдем в кафе и поговорим там о его ролях, о театре... Я очень люблю искусство, мистер Марк...

– Да кто же его не любит, дорогая моя, – признался Хунгар и мастерски сплюнул в корзину для бумаг. – Без искусства общество все равно как... полицейский без дубинки – вроде и вышел на дежурство, а по башке врезать нечем. Ну так и что же было дальше?..

– О... он потащил меня на стройку...

– Зачем?

– Для секса... – призналась Дженни и снова заплакала.

– Вот как? И что же он с вами сделал? – В голосе капитана послышался интерес.

– Он не успел ничего сделать, потому что в этот момент начали стрелять...

– Стрелять, – повторил капитан и, посмотрев на лежавший на столе пистолет Лефлера, добавил: – Что-то говорит мне, что стреляли именно из этого пистолета, а, Рино?

– Да, сэр, – ответил лейтенант.

– Ладно, забирай свою пушку.

– Вы отдадите ему пистолет?! – забеспокоилась Дженни.

– А чего вы боитесь? Он спас вас два раза за один вечер, неужели не стоит простить ему какое-то дурацкое подглядывание?.. Расскажите лучше, как вам удалось сбежать, а, ты, Рино, возьми лист бумаги и набросай отчет, что там за пожар был. И давай быстрее, а то Мозес с его мокрухой ждет уже добрых двадцать минут.

25

От далеких зеленых звезд, натываясь на непроницаемые поля туманностей и рассекая гравитационные волны, к Туссено двигался неизвестный корабль.

Ни один из сторожевых кораблей, охранявших рубеж от Туссено до Хавина, не признал бы в нем знакомое судно. Ни наружных рубок, ни антенн, ни защитных обтекателей на случай погружения в атмосферу. Скорее он был похож на каменный наконечник туземного копья, только слегка обработанный грубоватым орудием.

Совершая сложные маневры, неизвестное судно старалось до самого последнего момента находиться вне видимости пограничных станций.

Наконец, когда дальнейшее движение стало небезопасным, корабль остановился.

А встречным курсом к нему уже спешил другой корабль. Это было большое торговое судно с вместительными трюмами, которые были набиты герметичными контейнерами с неизвестным грузом.

Рядом с капитаном на мостике стоял сумрачный лоцман, широкоплечий гигант с тяжелым взглядом. Звали его Лукас, хотя капитан догадывался, что это ненастоящее имя. Тем не менее он не задавал лишних вопросов, поскольку щедрость вознаграждения подразумевала отсутствие всякого любопытства. Кроме Лукаса на судне находилось еще полтора десятка его людей, и было ясно, что они принадлежат к какой-то могущественной организации. Даже проход мимо пограничных станций и общение со сторожевыми судами наниматели взяли на себя. После нескольких фраз, которыми они обменивались с пограничниками, сторожевики убирались восвояси, а грузовик продолжал движение в глубь неразведанного космоса.

– Выставляй тормозной таймер на точку, – сказал лоцман, обращаясь к штурману.

– Хорошо, сэр, – отозвался тот и, покосившись на капитана, стал набивать координаты, написанные на выданном листе бумаги. Это было самой секретной информацией во всем тайном мероприятии, и штурман опасался, что его могут посчитать нежелательным свидетелем.

Координаты были длинными – три числа по восемнадцать знаков, – однако он, как назло, запомнил их до последней цифры.

Штурман вздохнул, подумав о своем домике, за который еще не выплатил банку всех денег, и невесте Шелли. На душе у штурмана было тоскливо, а где-то внутри корабля ходили и распоряжались рослые парни, такие же, как этот лоцман с физиономией каннибала. Он всем говорил «ты», и в его тоне, помимо обычной бытовой грубости, сквозило какое-то пренебрежение и высокомерие. Пусть он и заплатил большие деньги, но это не давало ему права так разговаривать с экипажем.

«Ох, где же теперь моя Шелли? Что она сейчас делает?» – продолжал грустить штурман.

Он сдержанно вздыхал и заводил в компьютер координаты точки, в которой должен был произойти сброс груза. Груз сбросят, но кто его поймает? Штурман подумал, что, если задать такой вопрос лоцману, тот может запросто свернуть башку.

И снова его мысли вернулись к Шелли. И не только потому, что Шелли была девушка видная и к ней всегда приставали незнакомые парни. Просто на планете Фучик-Го, где обитал штурман и весь экипаж корабля, за последние три года пропажа людей стала массовым бедствием. Не помогали никакие усилия полиции и хваленной службы ЕСО. Агенты только ходили с загадочными физиономиями и играли внушительными мускулами, а похищения все продолжались.

Говорили, что на Туссено, Лос-Абрамовиче и на суровой планете Президент-2 происходило то же, и подлые саваттеры, несмотря на то что их сбивали каждый день, продолжали воровать людей.

«Куда они их девают?» – подумал штурман. Правда, ЕСО как-то все объясняла, распространяла информацию о высоких технологиях саваттеров. Есошники говорили, что саваттеры разлагают людей на спектральный код и телепортируют на свои планеты. Но простой народ считал это брехней и был склонен думать, что людей просто переводят на тушенку и продают диким ордам печенегов с Горячих Миров.

Считалось, что печенеги виноваты во всех самых страшных преступлениях и им, лишенным человеческого обличья, было все равно, что есть, – хоть бы и человечину.

Прошло зачетное время, и управляемые бортовым компьютером маршевые двигатели сбросили обороты, а тормозные дюзы, напротив, наполнились рабочим веществом. Они заревели и затряслись от натуги, стараясь остановить махину, весящую шестьдесят тысяч тонн.

На большом контрольном экране появилась слабая звездочка, и это вызвало улыбку на лице лоцмана. Штурман и капитан переглянулись. Эта чудовищная улыбка обещала либо избавление от беспокойств, либо быструю и трагическую развязку.

Дверь в рубку распахнулась, и появился еще один человек из группы нанимателей.

Покосившись на судовладельцев, он проигнорировал их вопросительные взгляды и что-то негромко сказал лоцману. Тот рассмеялся.

Тем временем вибрации корабля прекратились, и он остановился в точно условленном месте.

– Разгрузка, джентльмены, – объявил лоцман Лукас, и впервые его слова прозвучали с какой-то человеческой интонацией.

– Да, сэр! – откликнулся штурман, хотя разгрузка была целиком и полностью в ведении капитана.

Тот тоже кивнул и положил руку на джойстик, управляющий катапульты.

«Впервые за столько времени», – подумал капитан, проводя установку первого тысячетонного контейнера на стартовый механизм катапульты.

Пять лет назад он купил это судно, надеясь на большой спрос со стороны клиентов, но грузовая катапульта, за которую капитан переплатил тридцать процентов от цены грузовика, никому не потребовалась, и компаньоны корили его за растроченные деньги. Однако вот оно, признание, – он был приглашен именно потому, что на его судне установлена катапульта, которая позволяет обмениваться грузами, находясь на приличном расстоянии друг от друга.

Довольно чувствительный толчок дал понять, что первый контейнер стартовал к ожидавшему в пятидесяти километрах судну. В ответ мигнула зеленая лампочка поискового сканера.

– Эй, вы не говорили, что должны принять груз! – воскликнул капитан. Все приборы показывали, что им навстречу тоже движется контейнер.

– А теперь я это говорю, – сказал лоцман. – Иначе зачем же было платить вам такие деньги.

– Бардак какой-то, – пробурчал капитан и стал настраивать ловушку, чтобы надежно поймать пущенный ему навстречу контейнер.

Спустя какое-то время аппаратура засекла старт еще одного контейнера.

– Да сколько же их всего? – спросил капитан.

– Ровно столько, сколько и наших, капитан, – ответил лоцман Лукас. – Двадцать штук.

– И почему нельзя было предупредить раньше?

– Раньше было нельзя, – просто ответил лоцман.

Его сообщник, молчаливо стоявший все это время, не прощаясь, покинул рубку.

26

То, что это их последний рейс, капитан и штурман поняли, когда судно возвращалось обратно, к орбитальной стоянке на Фучик-Го. Это случилось через семь суток после получения груза в неизвестной точке.

– Мы идем к Туссено, – заявил лоцман, который буквально жил в капитанской рубке и оставался в ней, даже когда капитан и штурман уходили отдыхать, а им на смену заступали другие вахтенные.

– С чего вдруг к Туссено? – спросил капитан Гальер, руководствуясь только привычкой.

– А это не ваше дело. Топлива хватит, значит, дуйте к Туссено. Там разгрузитесь и пойдете домой, – пообещал Лукас, однако ни капитан, ни штурман ему не поверили.

– Хорошо, сэр, – кивнул Гальер, – через двенадцать часов будем на орбите Туссено.

– Так спешить вовсе не обязательно, – тут же возразил лоцман.

– Мы не будем спешить, мы пойдем с крейсерской скоростью, – заметил капитан, чувствуя какую-то опасность.

– Все равно спешить не нужно, потому что в трюме очень важный груз. И нежный... Короче, никаких перегрузок и скорость держать вдвое меньшую, чем крейсерская, – распорядился лоцман и вышел, оставив капитана и штурмана в недоумении.

– Я так понимаю, сэр, что мы уже достаточно знаем, чтобы нас шлепнуть.

– С чего ты взял, Клодде? – возразил Гальер, впрочем, без особой уверенности.

Он уже размышлял о том, что может не успеть воспользоваться полученными за рейс деньгами. Ну да, его дети и жена, они, конечно, будут ему благодарны, но посмертно. Приятно ощущать, что ты обеспечил своим близким безбедное существование, но лучше, если денег поменьше, а сам ты жив и здоров.

– Что ты предлагаешь? – спросил капитан, рассматривая свое отражение в темном экране отключенного монитора. То ли фон был черный, то ли это смертные тени уже ложились на его лицо.

– Думаю, мы можем дать им бой, сэр... – дерзко заявил Клодде и даже сам подивился своей смелости. – Этих подонков всего шестнадцать, нас двенадцать человек, но, если мы неожиданно нападём, у них не будет против нас никаких шансов.

– А что мы будем делать потом? Неужели ты думаешь, что нам это сойдет с рук? – возразил дальновидный капитан.

– Сэр, но ведь сейчас мы гарантированные трупы!.. Это же так очевидно!.. Нам осталось жить считанные часы.

– Ладно, Клодде, считай, что меня ты уговорил, – хрипло произнес Гальер. – Иди прямо сейчас к команде и все им расскажи – времени у нас действительно больше нет.

– Вы проложите курс сами, сэр?

– О чем ты говоришь, какой теперь курс... – обронил капитан, из последних сил удерживаясь, чтобы не разрыдаться от отчаяния.

Штурман ушел. И капитан непонимающим взором уставился на шкалы приборов. Затем вспомнил о пистолете, который лежал прямо здесь, в небольшом шкафу.

Опасливо покосившись на дверь, Гальер открыл замок и выдвинул ящик.

Штатный трехмиллиметровый пистолет, необходимый каждому капитану на случай конфликта на судне, лежал на прежнем месте. Однако теперь он стоил намного дороже. Отныне это уже был не атрибут капитанской власти, это был шанс – реальная возможность выжить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.